

АЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

СМЕРТЬ КАК ИСКУССТВО

ПРАВОСУДИЕ

Александра Маринина
Смерть как искусство.
Том 2. Правосудие
Серия «Каменская», книга 30

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2374885

*Смерть как искусство. Кн. вторая : Правосудие: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-51620-9*

Аннотация

«Жизнь – театр, а люди в нем – актеры». Известное шекспировское изречение как нельзя лучше подходит к новому роману королевы современного детектива Александры Марининой. Ведь Театр – не только высокое искусство, он как живой организм, не терпящий лжи, предательства и порой мстящий очень жестоко.

В театре «Новая Москва» совершается загадочное и непонятное для окружающих преступление – покушение на режиссера и художественного руководителя Л. А. Богомолова. Теперь уже частный детектив Анастасия Каменская и молодой оперативник с Петровки Антон Сташис приступают к расследованию, которое приводит их к удивительным и неожиданным результатам. Подозреваемых много, все они лгут, и у каждого для этой лжи есть свои причины: и родительская

любовь, и слепая страсть, и гнусный шантаж, и жажда успеха, достигающегося слишком дорогой ценой, и страх разоблачения. Казалось бы, все вращается вокруг Театра, но одно маленькое, вроде бы незначительное событие, уходящее корнями в прошлое и ставшее в результате роковым, порождает новое зло. И сегодня пришло время восстановить справедливость...

Александра Маринина

Смерть как искусство.

Том 2. Правосудие

– Пап, я мультики посмотрю, ладно?

Антон положил вилку и взглянул на часы.

– А спать тебе не пора, Василиса Прекрасная?

– Не пора, не пора! – Девочка запрыгала вокруг отца, исполняя замысловатый танец. – Ты у Эли спроси, она всегда в это время разрешает мне мультики смотреть.

Антон бросил взгляд на Эльвиру, стоящую у плиты к нему спиной. Да, няня любит его детей, но не слишком ли она их балует, не слишком ли много свободы дает?

– Васька, уже десятый час, «Спокойной ночи, малыши» закончились, какие тебе еще мультики нужны? – недовольно произнес он.

– На диске. Ну пап! Мы когда сегодня с Элей гуляли, она купила два новых диска с мультиками, но сказала, что, пока я все уроки не сделаю, мне смотреть нельзя. Вот я все сделала.

«Эля сказала». Ну что ж, подрывать авторитет няни негоже, все-таки она с детьми проводит больше времени, чем он, родной отец.

– Хорошо, – согласился Антон, – смотри. Но только до десяти часов. В десять – спать, и без разговоров.

– А Степке можно со мной?

Эльвира повернулась и строго посмотрела на девочку.

– Васенька, мы же с тобой договаривались: Степа должен ложиться в девять, он еще маленький. И, между прочим, ровно в девять ты должна была сама его уложить и почитать на ночь сказку.

Василиса понурилась.

– Я хотела, но... Он спать совсем не хочет еще. И я пообещала, что спрошу про мультики, вдруг вы разрешите...

– Мы с папой не разрешаем, – твердо проговорила Эльвира. – Ты идешь укладывать Степана, читаешь ему, пока он не заснет, а потом смотришь мультики ровно до десяти. Договорились?

– Тогда совсем мало времени останется, – расстроено пробормотала Василиса.

– Вася, – вмешался Антон, – это не обсуждается. Есть режим, есть график, все расписано по минутам. Если ты не укладываешься в график, значит, надо что-то поменять, но не в графике, а в твоих поступках. Вот почему ты так поздно закончила уроки? Ты должна была их сделать уже давным-давно. Чем ты занималась?

Девочка помолчала, потом нехотя двинулась к двери.

– Ладно, пойду Степку укладывать.

Антон с улыбкой смотрел ей вслед. Потом взял вилку и доел свой ужин. Эльвира по-прежнему что-то готовила, стоя к нему спиной.

– Эля, вы сами-то поели? – спросил он.

– Не беспокойтесь, я ужинала вместе с детьми.

– Так это когда было! Сядьте, хотя бы чайку выпейте, что вы там все возитесь?

– Хочу вам на завтрак пшенинную кашу с тыквой оставить, а тыква очень долго варится, я с утра не успею приготовить. Антон, вы не сердитесь на Васю, она вам подарок готовит, поэтому и с уроками задержалась.

– Подарок? – удивился Сташис. – Какой? По какому случаю?

– К Новому году.

– Так ведь еще не скоро...

– Ну, у нее сложный замысел. – Эльвира засмеялась и присела за стол напротив Антона. – Мы сегодня специально ходили в магазин, покупали расходные материалы, потом сидели и вместе придумывали эскизы. Только вы не спрашивайте, что это, а то сюрприза не получится. Это я посоветовала Васе начать готовить подарок заранее, потому что задумка у нее действительно непростая, и не исключено, что с первого раза ничего не получится, и придется переделывать. Если хотите ругать, то ругайте меня, девочка не виновата, это я не уследила за временем.

– Ну что вы, Эля, – мягко улыбнулся Антон, – разве я могу вас ругать? Без вас я бы совсем пропал. Но основного графика ваши затеи не отменяют, договорились?

– Конечно, – кивнула няня.

Она снова встала к плите, а Антон допил чай и подошел к двери детской. Оттуда доносился приглушенный голос Василисы, читавшей четырехлетнему Степану «Храброго портняжку». Вообще-то, Степка уже умел читать сам, Эльвира очень серьезно относилась к своей работе и выполняла функции одновременно няни, домработницы и гувернантки, но Антон считал, что у Василисы должны быть определенные обязанности по воспитанию брата, и если у детей нет матери, то «сказку на ночь» должна обеспечивать сестра. Уже без двадцати десять, Степка еще не спит, это безобразие, и даже если он уснет немедленно, у Васьки останется только минут пятнадцать на просмотр мультфильмов. Может, напрасно он устроил такую казарму? Может, надо быть помягче с детьми, больше им позволять, больше баловать? Ответа Антон Сташис не знал, но одно знал точно: заранее составленное расписание, графики, режим, распорядок – это спасительная соломинка, ухватившись за которую можно выплыть из любой беды.

Он устроился в гостиной на диване и взял в руки книгу, но что-то не читалось... Снова вспомнилась пустота, которая не просто окружила – задушила его в тесных объятиях после похорон матери. Всего за четыре года он потерял все, что составляло его семью и его жизнь, и он остался один в большой трехкомнатной квартире, которая еще совсем недавно всегда была полна голосов, смеха и любви. А теперь в ней никого и ничего не было, кроме него самого, казавшегося себе в

тот момент одиноким, маленьким и никчемным, и тишины.

Антон пытался разомкнуть тиски пустоты и одиночества, стал постоянно приглашать к себе сокурсников и сокурсниц, собирал шумные многолюдные компании, в которых было много спиртного, много пьяного секса, тупого веселья и бессмысленных разговоров. Он боялся оставаться один в квартире, засыпал, оглушенный алкоголем, утром, не глядя по сторонам, умывался, одевался и убегал на учебу в Университет МВД, после занятий оставался в читальном зале и готовился к семинарам и практическим занятиям, а домой возвращался уже с друзьями и девушками. В таком угаре прошло около четырех месяцев, потом Антон опомнился. Сделал генеральную уборку, выбросил пустые бутылки, которые обнаруживал в самых неожиданных местах квартиры, отнес в химчистку то, что не мог постирать своими руками, и больше никого к себе не приглашал. Компаниями он пытался заполнить образовавшуюся пустоту, но внезапно понял, что это не та наполненность, которую он потерял и к которой стремился. Ему нужен теплый душевный контакт, ему нужна семья, ощущение сообщества, собратства, а не пьянки-гулянки.

Но оказалось, что без алкоголя он совсем не мог спать. В ночной тишине его стали преследовать звуки, которых он в реальной жизни не слышал: стон умирающего отца, жуткий крик падающей с высоты одиннадцатого этажа сестры, предсмертный хрип матери. Отец на самом деле не стонал,

он просто упал, и Антон слышал только шум упавшего на пол тела. Отец был без сознания и больше не издал ни звука. А когда случились несчастья с сестрой и матерью, Антона даже дома не было. Но звуки преследовали его, они рождались где-то под потолком и настойчиво лезли в уши, в голову, пронзали все его тело.

Пришла бессонница. То есть это была не совсем бессонница, потому что спать он вроде бы и хотел, но уснуть не мог. И начались книги. Сначала те, что были дома, но домашняя библиотека, не такая уж обширная, давно была изучена Антоном вдоль и поперек, а на покупки в книжных магазинах слушательской стипендии, торжественно именовавшейся «окладом содержания», не хватало. На помощь пришли соседи, которые относились к юноше с сочувствием и добротой и не вмешивались, пока в его квартире шли беспрестанные гулянки, но, как только наступила тишина, сразу же протянули Антону руку. Соседи были семьей, близкой к искусству: он – театральный критик, она – журналист из отдела культуры в многотиражной газете. И библиотека у них была огромная. Антон брал сразу по несколько книг и глотал их залпом, без разбору, все подряд, лишь бы чем-то себя занять по ночам и не слышать страшных звуков. Со временем он стал приходить в соседскую квартиру не только за книгами, но и просто так, заходил после занятий, садился в уголке, доставал учебники и конспекты и занимался: пребывание в пустых комнатах собственного дома все еще угнетало.

Однажды ему в руки попала книга Михаила Чехова «Путь актера», которую Антон прочел с неожиданным любопытством. Особенно его привлекло учение об атмосфере, которая сама по себе порождает определенные поступки людей, и рассуждения Чехова о Куприне, которого молодой тогда еще актер случайно увидел в разнузданной пьяной компании. «Вся компания производила жуткое и тяжелое впечатление. В центральной фигуре я узнал А. И. Куприна. Но какая разница между ним и окружающей его компанией! Я не знаю, что переживал Куприн, что заставляло лицо его искажаться болью и злобой, но я знал, что это было что-то для него серьезное, глубокое и настоящее». Антона тогда поразила готовность молодого человека понять и разобраться, а не смешивать огульно всех присутствующих в одну безликую массу.

После этого Антон долго обдумывал мысль о том, что нельзя относиться к людям как к маскам, потому что живые, реальные люди многограннее и интереснее, чем плоская одноплановая маска. «Я не верил прямым и простым психологиям, – писал М. Чехов. – ...Быть человеческим – это значит уметь примирять противоположности... Раздражение против людей, ненависть к ним и непримиримая с ними борьба являются, по большей части, результатом неверного представления о неизменности человеческого характера».

Он начал присматриваться к тем, с кем общался, все время помня то, о чем написал Михаил Чехов, в частности, об-

ращая особое внимание не столько на произносимые людьми слова, сколько на выражение их лиц, интонации и жестикуляцию, чтобы, как советовал актер, постараться понять, что именно человек чувствует и что он хочет сказать, какую мысль донести. Ведь Чехов советовал: «Я... вычитаю мыслительное содержание говорящего человека и слушаю не то, ЧТО он говорит, но исключительно – КАК он говорит. Тут сразу выступает искренность или неискренность его речи. Больше того, становится ясным, для чего он говорит те или иные слова, какова цель его речи, истинная цель, которая зачастую не совпадает с содержанием высказываемых слов». Сначала получалось не очень хорошо, но в Антоне проснулся исследовательский интерес, и он не оставлял своих упражнений, пока наконец не почувствовал, что научился быстро и довольно точно улавливать внутреннюю мысль собеседника. Ему говорили: «Да он нормальный парень, с ним, в принципе, можно иметь дело», а он слышал: «С этим парнем что-то не так, и, если есть возможность, лучше дела с ним не иметь». Ему говорили: «Со мной все в порядке, не обращай внимания», а он знал, что ему хотят сказать: «У меня беда, мне нужна помощь, мне нужно внимание». Первой мыслью было недоумение: зачем же говорить одно, когда в голове совсем другое? Наверное, Чехов прав, и люди действительно сложны и многогранны.

В нем проснулся интерес к людям. К конкретному человеку. К его внутреннему миру, его судьбе, его переживаниям.

Антон Сташис умел хорошо слушать, он был терпеливым и благодарным собеседником, и в этом своем даре нашел наконец лекарство от одиночества и ощущения, что ты никому не нужен. Свой страх одиночества и не востребованности он так и не преодолел и считал слабостью, которую и компенсировал общительностью, иногда неоправданной, иногда немного навязчивой, но зато оказавшейся отличным подспорьем в работе сыщика. Если позволяло время, Антон так разговаривал с людьми, что они в конце концов готовы были выложить ему свои самые сокровенные тайны, ибо чувствовали с его стороны не наигранный, не искусственный, а искренний и глубокий интерес. Но это пришло уже потом, после учебы...

И еще одну важную вещь объяснили ему соседи: нормально устроенный мозг не умеет работать над двумя мыслями одновременно, и если занять его одной мыслью, то никакая другая уже не прорвется.

– Ты оказался в полной пустоте, – говорила соседка-журналистка, – и тебе нужно чем-то ее заполнить, на что-то отвлекаться. Составь список дел, вплоть до самых мелких и незначительных, таких, как заварить чай или вымыть чашку, расставь все дела по времени в течение суток, прямо по минутам расставь, только ни в коем случае ничего не записывай, держи весь график в голове и постоянно повторяй про себя, чтобы ничего не забыть. Попробуй, это очень хорошее упражнение, мне в свое время оно здорово помогло.

Антон попробовал. И довольно быстро втянулся, потому что постоянное поглядывание на часы и мысленное повторение дел и отведенных на них часов и минут не давало возможности вспоминать и тосковать. И не давало пугающим непрошеным звукам ни малейшей возможности прорваться в голову. Он наконец начал спать по ночам.

Женился Антон Сташис рано и практически второпях. Вообще-то, им очень интересовались сокурсницы, потому что, кроме высокого роста, привлекательной внешности и неплохих мозгов, у него была большая хорошая квартира, но он каким-то чутьем угадывал, что того душевного тепла и чувства семьи, которое ему нужно, эти девушки не дадут. Совершенно случайно, в автобусе, он познакомился с Ритой, крошечной и худенькой, выглядящей лет на шестнадцать. Потом оказалось, что она старше Антона на два года, выросла в детдоме и тоже очень хочет иметь семью и много детей. Уже через два месяца они подали заявление в ЗАГС, а через четыре Антон Сташис женился, но не по страсти, а, скорее, по чувству того самого душевного уюта, которого ему так не хватало. Он был хорошим верным мужем, потом стал хорошим заботливым отцом и был уверен, что это и есть любовь. Во всяком случае, в том, что у него хорошая, счастливая семья, Антон ни минуты не сомневался.

После похорон Риты он снова остался один, но на сей раз на руках у него были двое детишек, двухлетний Степка и шестилетняя Вася. Никакой родни, к которой можно было

бы обратиться за помощью, у Антона не оказалось, а о детдомовской Рите и говорить нечего. Первую неделю он пребывал в полной растерянности и совершенно не понимал, как ему жить дальше, а потом пришла Эля, Эльвира, жена того, кто по пьяной удали застрелил Риту. Антон даже не колебался, предложение Эльвиры оказать ему любую посильную помощь было для него поистине спасительным. Денег у того, кто убил Риту, оказалось немерено, и все они остались его жене, которая отныне имела полную возможность работать у Сташиса без зарплаты и даже тратить на его детей собственные средства. Поначалу Антона это коробило, он пытался вернуть Эльвире все, что она тратила на Степана и Василису, а также на продукты для самого Антона, но каждый раз сталкивался с решительным отказом.

– Я не для вас стараюсь, – твердо говорила Эльвира. – Я это делаю для себя. Это нужно мне, понимаете? Я пытаюсь хоть как-то искупить то, что натворил этот подонок.

Антон понимал. И очень скоро перестал обсуждать с няней финансовые вопросы. А с «этим подонком» Эльвира почти сразу же развелась, разделив общее имущество ровно пополам.

– Теперь вы можете быть уверены, что я трачу на вас не его деньги, а свои. Я же понимаю, вас коробит при мысли о том, что я что-то купила для ваших детей на деньги убийцы их матери. С сегодняшнего дня этого больше не будет, – объявила Эльвира, кладя перед Антоном на стол копию су-

дебного решения о расторжении брака и разделе имущества.

Он не стал бороться с любопытством и бумагу из суда прочел, просто чтобы представлять себе степень обеспеченности его няни, а то вдруг окажется, что денег-то у нее кот наплакал! Выяснилось, что если кот и наплакал, то это был очень крупный кот, просто-таки гигантский, даже не кот, а динозавр какой-то. И плакал он, по-видимому, очень долго и горько. Одним словом, разведенная красавица Эльвира, тридцати трех лет от роду, была обладательницей приличного состояния, включающего, помимо банковских счетов, дом в трех километрах от МКАД и два автомобиля – джип и седан, то есть являлась в качестве потенциальной невесты весьма и весьма выгодной партией. «У нее появятся поклонники, – с грустью подумал тогда Антон, – она захочет выйти замуж и родить, пока не стало поздно, собственных детей, Эля от нас уйдет, и что мы с ребятами будем делать? Оставлять их одних я не могу, и платить другой няне я не смогу тоже, моей зарплаты на это не хватит. Катастрофа!»

Он попытался поговорить об этом с Эльвирой, но в ответ получил только укоризненный взгляд и короткую фразу:

– Есть грехи, на искупление которых уходит вся жизнь, да и ее порой оказывается недостаточно.

Больше они к этой теме не возвращались. А один из двух автомобилей Эльвиры – седан – вскоре оказался у Антона, который пользовался им по доверенности...

На экране телевизора мультяшный персонаж с остервене-

нием пилил толстое дерево, на котором висели яркие соблазнительные плоды. Василиса сидела рядом с Антоном, привалившись к отцу плечом, и легонько ерзала, будто помогая немыслимому существу с витыми рожками справиться со стволом. Антон в очередной раз посмотрел на часы: без двух минут десять. Еще две минуты – и Ваську придется гнать спать. Он прикрыл глаза и откинул голову на спинку дивана. Как хорошо вот так сидеть, ощущая рядышком теплое, такое родное тельце дочки и зная, что она довольна и весела, и Степка здоров и уже видит второй сон в своей постельке, и все у них в порядке, и завтра тоже все будет в порядке, они проснутся, выйдут на кухню, а там будет сидеть красивая и добрая фея Эля, которая приезжает каждый день к семи утра, чтобы накормить всех завтраком и отвести Степку в садик, а Ваську в школу. Как хорошо... Если бы еще...

Нет, не думать, не вспоминать, не сожалеть. Составлять расписание. Следить за временем. Заниматься работой. Двигаться дальше. Жить.

Настя Каменская с остервенением передвигала рычажок будильника, не понимая, почему он не перестает звенеть. Пришлось открыть глаза и с удивлением обнаружить, что до звонка еще целых десять минут. Что же это так назойливо мешает спать?

Оказалось, что спать мешает телефон. Из ванной доносился шум воды, и она поняла, что Алексей принимает душ

и поэтому не снимает трубку. Пришлось откидывать одеяло и тянуться к лежащей на столе телефонной трубке.

– Пална, дрыхнешь? – послышался голос Сережи Зарубина.

– А ты как думаешь! – сердито отозвалась она. – Что еще я должна делать, по-твоему, без десяти семь утра?

– Ждать меня, – уверенно ответил Сергей. – Нет, Пална, я серьезно, можно у тебя помыться и позавтракать?

Настя села в постели и потрясла головой.

– Я что-то не совсем...

– Да у меня скандал продолжается. – Голос Сергея вдруг стал жалобным и унылым. – Вчера вроде начали мириться, а потом снова-здорово, слово за слово – и пришлось хлопнуть дверью. А куда деваться-то? Время полвторого ночи. Вот и спал в машине. Весь помятый, несвежий и голодный. Спасешь несчастного?

Сон наконец отступил окончательно, мысли прояснились.

– Конечно, Сержик, конечно, – торопливо произнесла Настя. – Ты далеко?

– Рядом. Я же знал, что ты не отвергнешь бездомного и не оставишь его без куска хлеба. Буду через пять минут.

Она накинула халат и постучала в дверь ванной.

– Леш, у нас гости. Что на завтрак приготовить?

Из ванной выглянул муж, половина лица уже выбрита, другая половина в белоснежной пене, в руках бритва.

– А кто это нас осчастливит в такую рань?

– Зарубин. У него дома столетняя война, он в машине спал.

– Сейчас я добреюсь и что-нибудь соображу, пока ты будешь мыться.

Сергей явился не через пять минут, как обещал, а через целых пятнадцать, за это время Настя успела принять душ и умыться, а Алексей приготовил вполне приличный завтрак на троих.

– Сперва поешь, – скомандовал Чистяков, – а то все остынет. Потом помоешься. Я там в ванной тебе новую бритву оставил, в упаковке.

За завтраком Сергей рассказал, что внука Малащенко накануне вечером удалось найти.

– Ты представляешь, – говорил он с набитым ртом, – этот идиот испугался, что на него могут повесить покушение на Богомолова, и спрятался в Ярославской области у какой-то дальней родни. Ну это же надо такие мозги иметь! В первую очередь именно родню и будут проверять, это же каждому дураку понятно.

– А почему он решил, что его подозревают? Рыльце в пуху, что ли? – спросила Настя.

– Да дед его нашарохал! Пришел к внуку и давай его терзать, дескать, не ты ли Богомолова убить собрался, и все в таком духе. Нет, парень действительно ни при чем, алиби мы проверили, он в ту ночь в районе дома Богомолова и близко не был, но напугался он сильно. Сначала деду, конечно, го-

ворил, что ни сном ни духом, а потом поразмыслил и решил от греха подальше спрятаться. Короче, Пална, здесь у нас с тобой пусто. И с богомолдовской дочкой мы обломались. Там тоже ничего.

– Совсем-совсем ничего?

– Абсолютно. То есть парень, Боб этот, действительно наркоша и действительно тянет деньги из девчонки, тут ты все правильно просчитала. Но он к покушению не причастен. На сто процентов.

– Ладно, – вздохнула Настя, – двумя версиями меньше – больному легче. Но твой крендель Вавилов тоже тот еще фрукт. Никогда не поверю, что он не знал про дочку Богомолдова и ее дружка. А ведь он, насколько я понимаю, тебе ни слова не сказал. Ведь не сказал?

– Сказал, – признался Зарубин. – Вчера, когда я его к стенке припер. И заодно рассказал о том, как Богомолдов этого Боба с лестницы спустил, они там чуть не подрались. Я уже стойку сделал, ну, все на Горохове сходится, копеечка в копеечку, а ребята как раз закончили проверку и твердо сказали: не он. Даже жалко было.

– Жалко ему было, – проворчала Настя. – А Вавилову своему ты морду не начистил за то, что он утаивал информацию? Я вообще не понимаю, чем человек думает: платит такие бабки за результат и при этом скрывает информацию, которая может быть важна. Или бизнесмены – это такой специальный ум?

– Да брось ты, – махнул рукой Сергей, – не трать нервные клетки. Идиотов всюду хватает.

– Кто там у нас остался? Костюмерша Гункина?

– Она, родимая, – кивнул Зарубин. – А что, гренки кончились? Больше нету, что ли?

Блюдо, на котором еще несколько минут назад лежали горячие бутерброды с сыром, колбасой и помидорами, почему-то стояло посреди стола совершенно пустое.

– Сделать еще? – предложил Чистяков. – Только придется подождать, пока они испекутся, надо, чтобы сыр расплавился.

– Ничего, – великодушно кивнул оперативник, – я подожду. Ты делай.

Алексей принялся нарезать белый хлеб, колбасу, сыр и помидоры, а Настя принесла из прихожей сумку, достала блокнот и вычеркнула из списка два имени. Кроме Гункиной, в этом списке оставался еще Артем Лесогоров.

– А насчет Лесогорова? – спросила она. – Ты не забыл?

Зарубин посмотрел на дольки помидоров и сглотнул.

– Руки не доходят, Пална, вот ей-крест, не доходят. Вчера два огнестрела на нас повесили, вот как ты от меня ушла – так потом целый день на выездах был. И ребята заняты под завязку. Да не парься ты, просветим мы твоего журналиста, не сегодня – так через неделю, никуда он не денется. Эй, профессор, скоро там у тебя?

– Скоро, – отозвался Алексей, – потерпи. Ладно, дети мои,

вы тут следите за духовкой, а я пошел одеваться, мне на работу пора.

Через двадцать минут Чистяков уехал, горячие бутерброды к этому времени не только испеклись, но и оказались уничтожены проголодавшимся сыщиком, и Настя налила по второй чашке кофе.

– Знаешь, Пална, а вовремя ты ушла от нас, – неожиданно заявил Сергей. – Все равно скоро работать будет невозможно.

– Почему? – не поняла Настя. – Руководство мешает?

– Да руководство-то всегда мешает, – вздохнул он, – а тут еще реформа эта, будь она неладна.

– А, вот ты о чем...

– Ну да. Нет, я саму реформу с тобой обсуждать не собираюсь, хотя она и бредовая, по-моему, но не моего ума это дело. Я о другом: кто и как будет раскрывать преступления после реформирования? Ведь опять все поменяют, новые структуры придумают, им новые полномочия дадут, а полномочия – это...

– Информация, – подхватила Настя. – Ты прав, Сержик, вы замучаетесь выяснять, у кого какая информация и как ее получать.

– Вот и я о том же. Ведь последние десять лет только и делают, что нас реформируют, и информационные потоки уже разрушились окончательно. Нас ведь как учили? У каждого типа преступления есть свой алгоритм раскрытия, то есть по

существо – определенный алгоритм сбора информации, мы, как «Отче наш», знали, куда бежать и у кого чего спросить. А теперь что будет? Информационные потоки другие, стало быть, алгоритмы надо разрабатывать новые и заново всех учить. Кто этим будет заниматься?

– Никто, – грустно констатировала Настя. – Зато, в соответствии с реформой, с вас не будут требовать показатели раскрываемости.

– Ага, щас! Что-нибудь другое придумают, чтобы с нас головы снимать.

Зарубин был настроен пессимистически, и даже третья чашка кофе не улучшила его настроения.

– В общем, Пална, грядет время, когда мы все прочувствуем толщину гвоздя, – уныло сказал он. – На работу, что ли, ехать?

Она посмотрела на часы и кивнула:

– Наверное, пора. И мне тоже пора собираться.

– Ну, конечно, – снова занял Сергей, – кому-то на работу, а кому-то в театр. Умеют же некоторые устраиваться.

– Хочешь поменяться? – предложила Настя. – Поезжай вместо меня в театр, а я дома останусь. Это же твоя, между прочим, работа, которую ты очень ловко спихнул на меня.

– В театр? – не на шутку перепугался Зарубин. – Ну уж нет, уволь, подруга. Я их боюсь.

– Ясен пень, – засмеялась Настя. – Если мужчина кого-то боится, то туда лучше послать женщину. Ладно, пей кофе, я

пошла одеваться.

Они вместе вышли из дома, сели каждый в свою машину и разъехались.

И снова была чередa встреч и бесед. У Насти и Антона лежал список всех сотрудников театра «Новая Москва», из которого постепенно вычеркивались фамилии тех, с кем удалось встретиться и поговорить. Чем дальше, тем больше Настю охватывало ощущение бессмысленности и безнадежности работы, которую пытались проделать они с Антоном. Сплетни, рассказы о каких-то мелких конфликтах и обидах или уверения в том, что на Льва Алексеевича ни у кого рука не поднялась бы, – вот и весь результат их монотонной и однообразной деятельности.

Настя поймала себя на том, что после вчерашнего разговора с Сережей Зарубиным совсем перестала реагировать на телефон в руках Сташиса. Если он так много близких потерял, то совершенно объяснимы его страх за детей и желание постоянно быть в курсе того, где они и что с ними происходит. Ей в какой-то момент даже стало неловко оттого, что она вынуждает Антона торчать в театре до позднего вечера. Конечно, оперативная работа в розыске не предполагает нормированного рабочего дня, и если бы он занимался другими преступлениями, то вряд ли уходил бы домой в шесть вечера, такого не бывает. Но одно дело, когда причина где-то там, на стороне, и совсем другое – когда ты сам задержи-

ваешь человека. Настя попыталась исправиться и в половине седьмого предложила Антону завершить работу.

– Вы поезжайте, – сказала она, – у вас ведь дети дома. А я тут сама поковыряюсь, мне спешить некуда.

Антон внимательно посмотрел на нее, и Насте показалось, что он собрался было улыбнуться, но в последний момент передумал.

– Вы вчера встречались с Сергеем Кузьмичем, – не то спросил, не то сделал вывод Сташис.

– И сегодня с утра тоже, – кивнула Настя. – Из этого что-то следует?

– Из этого следует, что вы, по-видимому, получили информацию о моей ситуации. Я прав?

– С чего вы взяли?

– Мне показалось, что вы начали меня жалеть. Разве нет?

Настя пожала плечами и отвернулась, но потом взяла себя в руки и посмотрела ему прямо в глаза.

– Да, Зарубин рассказал мне о вас. И что плохого в том, что вы пойдете домой и проведете время с детьми? У меня сложилось впечатление, что вы меня в чем-то упрекаете, Антон. Да, я спросила Сергея Кузьмича о вас, но это совершенно естественно, любой человек стремится побольше узнать о тех, с кем ему приходится ежедневно контактировать. Разве вы поступили бы иначе?

– Точно так же, – улыбнулся наконец Антон. – И хочу вам сказать, Анастасия Павловна, что я всегда с благодарностью

отношусь к сочувствию и желанию мне помочь. Но жалеть и щадить меня не надо.

– Почему?

– Потому что так сложились обстоятельства моей жизни. И эту жизнь, вместе со всеми ее обстоятельствами, я должен прожить. У каждого человека свои обстоятельства, и невозможно жалеть и щадить всех. Обращайтесь со мной так же, как прежде, пожалуйста. И не беспокойтесь за моих детей. С ними няня. Кстати, про няню вам Сергей Кузьмич тоже рассказывал?

Настя молча кивнула.

– Тогда у вас наверняка появились вопросы, они неизменно появляются у всех, кто слышит об Эльвире. Вы не стесняйтесь, спрашивайте, мне скрывать нечего.

Ну, что ж, раз он сам предлагает... В любом случае лучше спросить, чем строить беспочвенные догадки, которые к тому же могут оказаться неверными.

Они сидели в кабинете Богомолова, освещаемом только настольной лампой, и Настя не очень хорошо видела выражение лица Антона Сташиса. Что было на этом лице? Готовность к откровенности? Или напряженная собранность перед тем, как солгать? А может быть, не спрашивать? В самом деле, какая ей разница, почему Антон принимает услуги жены того, кто отнял у него мать его детей? Может, он беспринципный. А может, просто в отчаянном положении и уже не выбирает средств решения проблемы. Может быть,

она ему очень нравится, и он готовится заменить ею погибшую жену. Зачем задавать вопросы? «Нет, – ответила Настя сама себе, – я хочу его понять. Не для того, чтобы осуждать или оправдывать, а просто для того, чтобы понимать его характер, иначе мне будет трудно с ним работать».

– Я понимаю, что вам этот вопрос, наверное, задавали тысячу раз, – начала она издалека.

– Вы хотите спросить, почему я принял помощь Эльвиры и не коробит ли меня такая ситуация?

– Да, именно об этом я и хотела вас спросить.

– Не коробит. – Антон встал с кресла и прошелся по кабинету. – И тут есть два обстоятельства. Первое: у меня не было другого выхода. Не считите это написанием вам о возрасте, но в вашем поколении, наверное, было много людей, которые любят свою работу и ничем другим заниматься не хотят. Сегодня таких намного меньше, во всяком случае, у нас в розыске. Считайте, что я – ископаемое, музейный экспонат. Но я не хотел менять работу, а сочетать службу в розыске с воспитанием маленьких детей без посторонней помощи невозможно. Я честно пытался, вы не думайте, что я сразу опустил руки. Я пытался. И не смог. Не получилось у меня. Эля в этом смысле оказалась моим спасением. И второе: это было нужно и продолжает быть нужным самой Эльвире. Она чувствует себя виноватой за то, что сделал ее муж. У нее душа болит за моих детей, она страдает, она переживает. И помощь свою предложила от чистого сердца. Так по-

чему бы мне эту помощь не принять? Она помогает мне растить детей, я помогаю ей обрести душевный покой.

– А вы не думали о том, что будет, если она соберется замуж? – осторожно спросила Настя. – Вы показывали мне ее фотографию, ваша Эльвира – очень красивая женщина, и брачных предложений у нее наверняка будет много, тем более что она, как я понимаю, человек далеко не бедный. Что вы тогда будете делать?

– Понятия не имею, – тяжело вздохнув, развел руками Антон. – Я каждый день жду, что что-нибудь подобное начнет происходить. У меня нет денег на платную няню.

– Сколько лет вашей Эльвире?

– Тридцать пять. Я понимаю, о чем вы: ей пора заводить собственных детей, возраст уже критический. Ну, что ж, если она решит оставить работу у нас, я приму это как очередное обстоятельство моей неуклюжей жизни. Но прожить-то свою жизнь я все равно должен, я же не могу бросить ее на полпути и сказать: она мне не нравится, она мне надоела, верните мне какую-нибудь другую, посимпатичнее, повеселее, полегче. Если случится – значит, случится, тогда и буду думать, что делать. Я ведь человек здоровый, Анастасия Павловна, я понимаю, что мне нужно протянуть еще как минимум десять лет, пока Степке не исполнится четырнадцать, хотя четырнадцать – это очень плохой возраст, за парнем нужен глаз да глаз, так что лучше бы Эля проработала у меня лет пятнадцать. Но я отчетливо понимаю, что это невозмож-

но. Человек не может испытывать чувство вины на протяжении пятнадцати лет. Даже если она не соберется замуж, ей просто надоеет бесплатно работать ради чужих детей и совершенно постороннего мужика. Правда, она очень любит моих детей, очень к ним привязана, но как надолго хватит этой любви и привязанности?

– А вы не думали... – Настя запнулась, подыскивая слова. То, что она хотела спросить, было совершенно бестактным. Но спросить очень хотелось. – Вы и Эльвира...

– А, – засмеялся Антон, – я понял. Вы хотите узнать, не было ли у меня мысли жениться на ней? Отвечаю: нет. Не было. Эльвира очень красивая и очень добрая, она любит моих детей, но я для нее не мужчина, точно так же, как она для меня – не женщина. Во всяком случае, за те два года, что мы знакомы, я ни разу не посмотрел на нее с мужским интересом.

– А почему? – с любопытством спросила Настя. – Вы же сами сказали, что она красивая и добрая. Так почему бы нет?

– Просто потому, что Эля – не моя женщина. Да, она чудесная, она достойная во всех отношениях, и, между прочим, прекрасная хозяйка. Но – не моя. Мне нужна другая. Если бы я женился на Эле, для ребят это было бы наилучшим выходом. Но не для меня. И, разумеется, не для нее. Зачем я ей? Нищий сыскарь с двумя детьми, к тому же моложе ее на семь лет. Есть женихи и получше. Я ответил на ваш вопрос?

– Спасибо, Антон.

– За что?

– За искренность. И простите меня, я полезла не в свое дело, но мне правда очень хотелось понять вас. Так вы категорически отказываетесь уходить сейчас домой?

– Категорически. Дома Эля, мне не о чем беспокоиться. Что у нас на сегодняшний вечер по плану?

– У нас, – Настя полистала блокнот, – сегодня звуковики и осветители, которых не было в понедельник и которые ведут сегодняшний спектакль. Кстати, спектакль вот-вот начнется, так что минут через пятнадцать можно начинать их отлавливать. Знаете, Антон, я все никак не могу привыкнуть к тому, что технический прогресс добрался до театра. Я хорошо помню театр своего детства и своей юности, тогда была осветительская ложа, в ней сидели специальные люди и вручную наводили прожекторы на разные части сцены. А теперь все заведено в компьютер и управляется автоматически. Вам моего удивления не понять, вы – дитя прогресса.

– Может, и так, – согласился Антон, – но для меня тоже было шоком, когда мы с вами пришли в будку Аллы Михайловны, осветителя, а она сидела и кроссворды там разгадывала, а прожектора двигались сами по себе. Я, честно говоря, обалдел от изумления. И в тот момент я понял вас.

– В каком смысле?

– Ну, вы с самого начала все время сомневались, что сможете разобраться в театре, а я не понимал, чего вы боитесь и что тут такого сложного. А в тот момент понял. Меня прямо

как по башке шарахнуло. И еще меня их сленг убивает; когда театральные деятели между собой разговаривают, я вообще ни слова не понимаю.

Да, насчет сленга Антон прав, Настю тоже это смущает. И кстати, сам Антон, насколько она успела заметить, профессиональным сленгом разыскников тоже отчего-то не пользуется. Ни разу за все дни, что они проработали вместе, Настя не слышала от него ни одного слова о «терпилах», «износах», «парашютистах», «подснежниках» и «недоносках». И Сережка Зарубин тоже отмечал эту его особенность. А что, если спросить?

– Я – приверженец марксистско-ленинской философии, – со смехом пояснил оперативник. – Помните: бытие определяет сознание? Нет, я, конечно же, пользуюсь выражениями, принятыми в нашей профессиональной среде, но только если они не касаются человека. И я, точно так же, как все, называю пистолет «волыной» и бегаю «получать корки», но никогда не скажу «обезьянник», потому что там находятся люди, живые люди, и к ним нужно относиться как к людям, а не как к обезьянам. Не зря же говорят: как корабль назовешь, так он и поплывет. Если называть людей, тем более погибших, пренебрежительными выражениями, очень скоро и относиться к ним начинаешь пренебрежительно, а это для меня неприемлемо. Каждый человек – это целый мир, неповторимый и уникальный, даже если этот человек совершил преступление. Я не говорю, что преступников надо жалеть,

ни в коем случае, но, если начать относиться к ним как к быдлу, очень скоро такое же отношение сформируется и к потерпевшим, и ты перестанешь им сочувствовать, а потом начнешь точно так же думать и о коллегах, и о соседях, и о членах собственной семьи. Тут только начни – и остановиться уже невозможно. Знаете, что случилось с моей сестрой?

– Знаю, – кивнула Настя.

– Мне нестерпима мысль о том, что кто-то мог назвать ее «парашютисткой». А ведь называли, я сам слышал. Мне было очень больно. А про мою маму оперативники сказали «висельница». – Антон повернулся к Насте лицом, и ей показалось, что он сильно побледнел. Хотя в комнате царил полумрак, и она не была уверена. – Знаете, я в тот момент их чуть не убил. Я уже был слушателем и знал, что буду работать в розыске. Вот тогда я твердо решил, что ни при каких условиях не только не скажу вслух, даже мысленно не назову человека каким-нибудь гадким, пренебрежительным словом. Вот такое я ископаемое. Ну что, Анастасия Павловна, вам теперь будет труднее со мной работать?

Настя задумалась. Что ему ответить? Конечно, ей будет труднее, ведь всегда трудно находиться бок о бок с человеком, у которого ТАК сложились обстоятельства жизни. Но одновременно и легче, потому что она хотя бы будет понимать эти обстоятельства.

– Пойдемте, Антон, – негромко сказала Настя, так и не ответив на вопрос. – Если вы не едете домой, нам пора при-

ниматься за работу. Дорогу к осветителям найдете?
– Постараюсь.

Спектакль начался, все опоздавшие были рассажены по местам, и главный администратор Валерий Андреевич Семаков решил зайти к директору Бережному. Бережной сидел у себя в кабинете, листал какие-то бумаги и посматривал на экран монитора, разделенный на четыре части: на этот монитор были выведены камеры, обзоревающие сцену, зрительный зал, главный и служебный входы.

– Что, Владимир Игоревич, спектакль смотрите? – поинтересовался Семаков.

– Да нет, жду гостей, из мэрии должны приехать, – пояснил Бережной, снимая очки для чтения.

– На спектакль? – переполошился администратор. – Почему мне не сказали? У меня в ложе дирекции...

– Нет, им спектакль не нужен, они хотели проверить мою заявку на ремонтные работы. Да ладно, уже восьмой час, наверное, не придут. Кофе хотите?

– Спасибо, не откажусь. Владимир Игоревич, я вот хотел спросить насчет новой пьесы: что-нибудь проясняется? Да-то премьеры хотя бы приблизительно определили? А то ведь мне нужно анонсы и программки готовить и заказывать, буклеты, аннотацию писать для «Театральной афиши».

– Какое там! – Бережной горестно махнул рукой, встал и пошел готовить кофе. – Ничего не движается. Сеня бьет-

ся изо всех сил, старается сдвинуть работу с мертвой точки, но пьеса такая сырая... Просто не представляю, как они будут выкручиваться. Хотя Сеня, конечно, очень старается, и с тех пор, как он сам начал вести репетиции, какое-то движение наметилось. Но если Лев Алексеевич вернется к работе в ближайшее время и снова возьмется за «Правосудие», то я даже не представляю, когда мы увидим конец этой эпопеи. – Ему пришлось слегка повысить голос, чтобы перекрыть шум перемалывающей зерна кофемашины. – И еще автор этот, Лесогоров, – продолжал директор. – Написал дерьмо, быстро и качественно исправить не может, хочет всем угодить, кто какие поправки ни предложит – он тут же кидается что-то менять, на следующий день приносит новый текст, и все роли приходится учить заново. Ну, не все, конечно, только то, что он поправил, но это же тормозит работу. В общем, неразбериха полная.

– А нельзя его как-нибудь... – Семаков сделал выразительный жест, будто выпихивал кого-то из кабинета. – Пусть бы ушел совсем, не болтался тут под ногами. Семен Борисович сам бы пьесу переписал, он это сделает быстро и хорошо. Поставили бы две фамилии на афише – и все довольны.

– Ох, Валерий Андреевич, – Бережной поставил перед администратором изящную чашечку с горячим ароматным напитком, – вашими бы устами да мед пить. Сеня спит и видит, как бы избавиться от автора. И я, честно вам признаюсь, тоже. Он тут всем нам мешает, и творческой части, и дирекции,

ходит, высматривает, вынюхивает, выспрашивает. Не люблю я журналистов, от них одни неприятности. Но как его выпрешь? Уйдет – и денег не будет. У нас ведь в договоре записано, что первый транш театр получает на финансирование именно постановки «Правосудия», а второй – после премьеры – на развитие. И второй транш в три раза больше первого. Представляете, какие спектакли можно будет на эти деньги поставить? И какие ремонтные работы провести? Речь ведь не о копейках – о миллионах! Если Лесогоров уйдет, то уйдет вместе с деньгами, а я как директор на это пойти не могу. Вот если бы форс-мажор какой-нибудь случился – тогда другое дело, а так...

Семаков задумчиво пил кофе, покачивая ногой, обутой в модный ботинок с узким носом.

– А если сделать так, чтобы автор ушел, а деньги остались? – вдруг спросил он.

Бережной осторожно поднял глаза и искоса взглянул на администратора.

– Вы что имеете в виду? Знаете, как это можно сделать?

Семаков тонко улыбнулся и поставил чашку на блюдце.

– В любом случае нужно принять меры, чтобы пресечь это его болтание по театру, – ответил он. – Он же отсюда не вылезает, со всеми общается, сплетни собирает. Напишет еще гадости про наш театр. А он обязательно напишет, я эту породу знаю. Нам с вами это надо?

Владимир Игоревич Бережной точно знал, что «этого»

ему не надо. И театру «Новая Москва» тоже не надо. Но как же все устроить?

После встречи с осветителями Антон и Настя разделились – Антон отправился искать рабочих сцены на верхнюю галерею, где чувствовал себя вполне уверенно, а Настя, боявшаяся высоты и хорошо помнившая свои далеко не самые приятные ощущения от пребывания на галерее, стала спускаться вниз по служебной лестнице с намерением найти кого-то из артистов, с кем не удалось побеседовать в предыдущие дни. Она медленно, глядя под ноги и делая осторожные шаги, спускалась по плохо освещенной лестнице, боясь оступиться на выщербленных ступеньках, когда снизу, с той площадки, где располагалась курилка, послышался мужской голос:

– У нас появились проблемы... Тебе надо проявлять осторожность... Да, помощь будет нужна, и срочно... Я еще позвоню. Пока.

Она постаралась ускорить шаг, не производя при этом шума, но, когда добралась до курилки, там уже никого не было. Настя рванула на себя дверь, ведущую в служебный коридор, и быстро огляделась. Вдоль коридора располагались кабинеты, некоторые с надписями, некоторые – без, она уже знала, что это помещения бухгалтерии, юриста, отдела кадров, завтруппой, пожарной охраны, служебные туалеты... По коридору ходили люди, некоторые – с документами в руках,

некоторые – в сценических костюмах. Кто из них только что разговаривал по телефону? Или этого неизвестного мужчины среди них вообще нет? Может быть, он зашел в один из кабинетов? Или скрылся за дверью, ведущей на сцену? Или ушел из этого коридора в сторону другой лестницы? А может быть, это был кто-то из зрителей, кто хорошо знает расположение помещений театра и осведомлен про никогда не запирающуюся и не охраняемую билетерами дверь между фойе и служебной частью здания? Просто кто-то из зрителей, кто во время антракта вышел покурить и позвонил по своему делу, не имеющему никакого отношения к покушению на худрука Богомолова. Почему он не пошел в помещение для курения, предназначенное для зрителей? Потому что сюда ближе. Или потому, что он пришел в театр не «с улицы», а был приглашен кем-то из сотрудников, разделся у него в кабинете и про эту служебную курилку знает, а про зрительскую – нет. Причин может быть множество.

Но с таким же успехом этот звонивший мог оказаться человеком, причастным к преступлению. Голос Настя не узнала, но это и немудрено при таком-то количестве людей, с которыми ей пришлось поговорить за минувшие дни. Кроме того, совершенно непонятно, с кем этот неизвестный разговаривал, с мужчиной или с женщиной.

«Я стала старой и нерасторопной, – корила себя Настя, вернувшись в курилку и доставая сигареты, – не успела его увидеть. Пора меня на свалку. Если бы со мной был Антон,

все было бы иначе, он бы пулей слетел вниз».

Настроение у нее испортилось, даже работать расхотелось.

Артем Лесогоров любил бывать в клубе «Киномания», здесь постоянно тусовались известные артисты и режиссеры, и Артем чувствовал себя причастным к этому волшебному миру узнаваемых людей. Поэтому, когда Никита Колодный в очередной раз пригласил его посидеть за бокалом пива в «Киномании», Лесогоров немедленно и с удовольствием согласился.

– Старик, – говорил Никита, обнимая Лесогорова за плечи, – ты написал совершенно гениальную пьесу, но в ней есть шероховатости, которые надо исправить. Да, я не скрываю, мне хочется, чтобы меня заметили, но именно поэтому твою пьесу надо слегка подправить и улучшить, чтобы в конце концов она стала хитом сезона. О ней будет говорить вся Москва, да что Москва – вся Россия будет о ней говорить, со всей страны будут ехать люди, чтобы посмотреть наш спектакль. Но для этого надо сделать пьесу чуть-чуть лучше. Ты согласен?

– Само собой, – кивал Лесогоров, который абсолютно ничего не имел против того, чтобы его пьеса стала хитом сезона и предметом множества публикаций в прессе и Интернете.

– Ты пойми, – продолжал Колодный, – пьеса только выигрывает, если изменить мотивировку действий Зиновьева. Ну,

смотри сам, что получается: жена Зиновьева просто не может так болезненно отреагировать на смерть свекрови, потому что свекрови этой девяносто четыре года, а жене Зиновьева – всего тридцать. Она молодая баба, практически девчонка, что для нее девяносто четыре года? Этой свекрови уже прогулы на кладбище ставят. Согласен?

– Ну, – снова кивнул Лесогоров, – допустим.

– Да не «допустим», а так оно и есть, – горячился актер. – Свекровь давно и тяжело больна, ее состояние требует постоянного внимания, участия и присутствия рядом с ней Зиновьева и его молодой жены, и молодой жене это просто по определению нравиться не может. Артем, в любой мотивации должна быть своя логика, иначе не получается драматургии образа, и актер просто не знает, что и как ему играть. Логика должна быть понятной, доступной любому зрителю, только тогда он начинает сопереживать и сочувствовать персонажу. Если зритель не понимает мотивацию персонажа, эмоционального отклика не будет, а нет отклика – нет успеха. Это я тебе как человек театра говорю. А у тебя в пьесе получается, что из-за смерти свекрови молодая жена настроила против Зиновьева все их окружение. Ну, бред же, Артем! Не бывает так! Вся эта история неправильна и совершенно оторвана от жизни. И сама ситуация с клиникой, счетами, деньгами и перевозкой в другую больницу тоже надуманная, так не бывает.

– Почему же, – возразил Лесогоров, – бывает. И вообще,

Никита, в жизни все бывает, даже такое, что ты себе и представить-то не можешь.

Он слушал Колодного вполуха, потому что, во-первых, все эти слова и резоны Никита уже неоднократно излагал и на репетициях, и в частных беседах, а во-вторых, потому, что ему куда интереснее было наблюдать за окружающими. Кто с кем пришел, кто с кем общается, кто, что и сколько пьет. Колоссальный материал для статей! Вот промелькнула актриса, о которой в последнее время много говорили в связи с тем, что она якобы выходит замуж за своего партнера по съемкам в последнем фильме, однако кинодива появилась в обществе своего официального бойфренда, известного спортсмена. Артем пожалел, что у него нет с собой фотоаппарата. А вот телеведущий популярнейшей программы, бродит между столиками совершенно пьяный в обнимку с известным дизайнером, не скрывающим своих гомосексуальных пристрастий. Интересно, это просто так или что-то означает? Господи, как же ему надоел этот Колодный со своими попытками сделать собственную роль более удобной и выпуклой! Но приходится терпеть ради удовольствия бывать здесь, клуб-то закрытый, просто так с улицы не придешь, нужно иметь карту члена «Киномании» или прийти вместе со счастливым обладателем такой карты. У Никиты Колодного карта была.

– Я не могу отыгрывать надуманные страдания, – продолжал зудеть ему в ухо актер, – я не понимаю, как на них реагировать. Слушай, Темка, ну пусть у Зиновьева будет другой

повод для депрессии: банкротство, рейдеры, измены жены, неизлечимая болезнь – все, что угодно, но только правдоподобное и реальное, иначе и зритель не поймет, и актерам играть трудно. Да и поведение жены Зиновьева, и подозрения в ее адрес станут более оправданными, если, например, речь пойдет о том, что у нее есть другой мужчина. Подумай, Тема!

Артем хмыкнул. Станет он переделывать самое зерно пьесы, как же! Лев Алексеевич Богомоллов как раз и уцепился за идею виновности Зиновьева в смерти престарелой матери, потому что вся ситуация с матерью превратилась в обстоятельство жизни Зиновьева, в такое обстоятельство, с которым он не смог справиться. И эта идея оказалась близка и интересна Богомоллову, он строил на ней весь спектакль. Но Лев Алексеевич бывал не на каждой репетиции, иногда репетиции вместо него проводил Сеня Дудник, которому идеи Коллодного нравились и который поддерживал все предложения актера по внесению изменений в текст пьесы. Потом приходил Богомоллов и эти изменения запрещал. Конечно, Дудник сам достаточно молод, поэтому страдания шестидесятилетнего Зиновьева ему непонятны, и он вставал на сторону Никиты, но теперь все иначе. Теперь спектакль доводит до конца Семен Борисович Дудник, на нем вся ответственность, и режиссер отыграл назад. Конечно, куда он теперь денется! Артем-то не дурак, они со спонсором такой договор придумали, при котором автор может в любой момент сорваться и забрать пьесу из театра. А театр и пикнуть не посмеет, де-

нежки-то не театральные, а спонсорские, так что автору при расторжении договора даже неустойку платить не придется. И отныне Семен Борисович будет автору пьесы в задницу дуть, а о том, что раньше он соглашался с Колодным, и думать забудет. И зря Никитка старается, не выйдет у него ничего.

К их столу то и дело подходили мужчины и женщины, многих из них Артем узнавал и был бы совсем не против, если бы они присели к ним, ему хотелось знакомств, связей, разговоров о кино и шоу-бизнесе, ему отчаянно хотелось быть в центре, в гуще этого манкого и притягательного мира, но Никита только пожимал им руки, целовался, перебрасывался парой слов и снова возвращался к пьесе «Правосудие». Лесогоров скосил глаза на соседний столик, за который в этот момент усаживалась мрачная и явно только что поссорившаяся пара: режиссер, недавно прогремевший фильмом в жанре фэнтези, и его, как говорят, гражданская жена, победительница какого-то конкурса, не то красоты, не то вокалистов. Вот бы послушать, чего они не поделили...

А Колодный между тем все говорил и говорил:

– Сегодня в драматургии сплошь дурацкие надуманные ситуации, это якобы новизна и продвинутость. Твоя пьеса будет выгодно отличаться, потому что она про нашу повседневную жизнь, и ее будут смотреть с удовольствием. Ты совершенно гениально ущучил, Артем, что спрос на абстракцию и условность, на эдакий псевдомодерн уже проходит,

люди хотят читать и смотреть про самих себя, а все почему? Потому что жизнь стала нравственно тяжелой, сложной, и люди ищут моральные ориентиры, маяки в непростых житейских ситуациях. Так что твою замечательную пьесу надо избавить от всего, что нетипично, и тогда она заиграет и станет хитом. Ты же помнишь из русской литературы: типичский человек в типических обстоятельствах. А твоя история про мать Зиновьева и реанимацию – нетипическая, она все портит. Ты пойми, мне неудобно в этом тексте, мне твоего Зиновьева совсем не жалко, и зрителю его жалко не будет. А я же утверждаю в первом акте, что мне его стало жалко! Я просто не смогу быть достоверным, я не понимаю, как это играть.

Лесогоров снова отвлекся, на сей раз он узрел не вылезающего из теледебатов политика в обществе ярко накрашенной и подозрительно молоденькой девицы в вызывающем наряде. Ничего, еще три-четыре визита в «Киноманию» – и его блог в Интернете станет одним из самых посещаемых. Про знаменитостей всем интересно. Особенно если про них пишут гадости, уж это-то журналист Лесогоров знал точно.

На сцене «Новой Москвы» шла сложная трагическая пьеса, все главные роли в ней были построены на тяжелых переживаниях, и Театр сперва не различил в мешанине эмоций это чужое напряжение, идущее не со сцены и не из зрительного зала, а откуда-то со стороны. Театр в первый момент

даже подумал, что ему показалось. Потом он понял, что не показалось и что напряжение исходит со стороны служебной лестницы. Наверное, кто-то из актеров только что ушел со сцены и направился к себе в гримуборную, унося с собой ужас и отчаяние, положенные ему по роли.

Но что-то было не так, что-то не вписывалось в придуманную схему. Театр насторожился, прислушался повнимательнее и понял, что комок напряжения находится не на той лестнице, по которой поднимаются в гримерки, а на другой, параллельной. Комок поднимался все выше и выше, он двигался медленно и осторожно и направлялся в сторону служебной квартиры. Опять к Артему Лесогорову гости идут... И чего они так боятся? Он что, страшный такой? Глупости! Театр неоднократно видел автора пьесы, когда тот появлялся в зрительном зале, или бродил по сцене, или торчал в кулисах, обычный молодой человек, симпатичный, светловолосый, ясноглазый, с хорошей улыбкой, такие женщинам нравятся. А кстати...

Театр отключился от происходящего на подмостках и весь сосредоточился на чужом напряжении. Ну конечно, это женщина! Так вот в чем дело? Женщина идет на свидание к Лесогорову, потому и нервничает, наверное, это ее первый визит в служебную квартиру. Интересно, как там у них все происходит?

Вот пульсирующий комок напряжения добрался до квартиры Артема и приутих, видно, Лесогоров встретил ее ра-

достно, и женщина перестала волноваться. Надо же, а самого Артема Театр совсем не чувствует. Почему это? Может, его просто нет в квартире? Да нет, этого не может быть, ведь кто-то же открыл гостье дверь. Неужели молодой журналист настолько равнодушен к ней, что не испытывает никаких эмоций? Такое бывает, Театр знает, он уж столько любовных свиданий на своем веку наблюдал, а век-то не короткий, целых девяносто пять лет, из которых восемьдесят пять он именуется театром «Новая Москва».

А напряжение снова заиграло, но теперь уже какой-то другой краской, если на лестнице оно было тревожным, то теперь стало сосредоточенным, как будто женщина в квартире Лесогорова занялась важной ответственной работой и боится допустить ошибку. Вот оно что! Театр обрадовался, что сумел догадаться: это же дамочка облегченного поведения, которая пришла делать свое дело за деньги, отсюда и ее сосредоточенность, и отсутствие эмоций у самого хозяина квартиры. Как все просто оказалось! Никаких сомнений, это именно проститутка, потому что никаких других объяснений подобному эмоциональному раскладу Театр придумать в тот момент не сумел.

Когда через некоторое время Театр почувствовал, как сосредоточенность сменилась разочарованием, он не смог сдержать ухмылки. Правда, он не очень разобрал, чье это было разочарование, Артема Лесогорова или его гостьи, но сама суть эмоции уловил совершенно безошибочно. А вы как

думали, дорогие мои? Пообщался с женщиной за деньги – и полные карманы счастья? Наверняка или сам Артем оказался не на высоте, или удовольствие получилось ниже среднего.

Театру стало неинтересно, он отключился от служебной квартиры и вернул все внимание на сцену, однако спустя довольно короткое время недовольно поежился: опять тревожное напряжение на служебной лестнице мешало ему наслаждаться спектаклем. Ну, что она так трясется, эта жрица любви? Съедят ее, что ли, на этой лестнице? А может, там опять лампочка перегорела и ей просто страшно, потому что она боится упасть? В любом случае – ну ее, эту дурочку, пусть уже скорее уходит и не мешает своими тревогами и опасениями. И почему Артем ее не проводит? Взял бы за руку и довел бы до служебного входа, она бы и не боялась. Тоже мне, джентльмен, использовал дамочку и выставил за дверь. О, времена, о, нравы...

Теперь Театр сердито следил за сгустком напряжения, ожидая, когда тот покинет территорию здания, но сгусток и не думал выходить на улицу, он остановился на первом этаже, помедлил немного и решительно направился к двери, через которую можно было выйти в фойе, пересек фойе и окончательно остановился в туалете. Ну что ты будешь делать! Эта профурсетка, оказывается, собирается дожидаться антракта и вместе со всеми зрителями потом пойти в зал и посмотреть второй акт. Ну, хитрюга! Неужели нынешние

проститутки не чужды высокому искусству?

А волны напряжения и тревоги между тем становились все слабее и слабее, и к тому моменту, когда закончился первый акт и зрители растеклись по фойе, Театр окончательно позабыл о женщине, приходившей к Артему Лесогорову.

В «Киномании» они просидели до часу ночи, потом разъехались, Никита Колодный отправился на чей-то день рождения, а Артем вернулся в театр. Вахтерша недовольно смотрела на него, отпирая дверь: по телевизору, стоявшему на ее столике, в это время показывали какое-то американское кино про любовь и, насколько Лесогоров успел заметить, про секс. Охранник тоже смотрел этот фильм и просто махнул Артему рукой, не отрывая глаз от экрана.

Первого же взгляда на комнату оказалось достаточно, чтобы понять: в его квартире были посторонние. Кресло возле стола сдвинуто, бумаги лежат не так, не в том порядке, в каком Артем их оставил. Артем придвинул кресло, уселся, включил компьютер и быстро его проверил. Так и есть, в компе кто-то основательно порылся и даже скопировал несколько файлов. И произошло это между семью и восемью вечера. Ну-ну. Лесогоров удовлетворенно улыбнулся и вышел в Интернет. Все идет по плану, все происходит именно так, как он и задумывал. Сейчас он сварит себе кофе (а как же без этого?) и начнет излагать в своем блоге все сегодняшние наблюдения за знаменитостями.

Это уже второй случай, когда кто-то проникает к нему в квартиру и интересуется его записями. Первый был несколько дней назад, но тогда компьютер не тронули, только бумаги перерыли. Чудаки! Неужели они думают, что Лесогоров будет все самое важное хранить здесь, под рукой? Наивные и смешные люди! А милиционерам Артем про это ничего не скажет, незачем им знать. Это его дело, и он доведет его до конца. Сам.

Антон Сташис надел куртку и заглянул в комнату, где в постели лежала Галина.

– Я пошел? – не то спросил, не то проинформировал он.

– И опять, и снова, – недовольно вздохнула Галина, его бывшая одноклассница. – Ты же сказал, что эта твоя Эля сегодня ночует у вас. Остался бы до утра. Ну почему ты всегда уходишь?

– Дети утром должны меня увидеть, – твердо ответил Антон. – Мы с тобой это тысячу раз обсуждали. Зачем опять-то?

Галина приподнялась в постели, подоткнула под спину подушку, включила бра над головой. Длинные тонкие волосы рассыпались по плечам, лицо без косметики выглядело блеклым и невыразительным. Но Антон этого словно не замечал, ему было все равно, красива или нет женщина, с которой он спал примерно раз в неделю. Он знал ее много лет, они учились в одном классе, Галина не стремилась выйти замуж, бы-

ла вполне самостоятельной в обычной жизни и состоявшейся в профессии, она делала карьеру и Антона Сташиса рассматривала точно так же, как и он сам рассматривал ее: как способ организовать собственную личную жизнь без ущерба для работы и психического здоровья. Кто-то есть, значит, ты не одинок, и значит, ты кому-то нужен.

– Конечно, тебе приятнее встречать утро в обществе своей красотки, а не в моем, – равнодушно проговорила она. – Ладно уж, иди. У меня глаза есть, я понимаю, что мне с ней не тягаться. Слушай, Сташис, а что ты будешь делать, когда твоя Эля замуж соберется? Не все ведь такие, как я, нормальная баба должна хотеть семью и детей.

– Повешусь, – улыбнулся Антон. – Ложись спать, Галчонок, тебе вставать рано. Я позвоню.

Он осторожно, стараясь как можно тише щелкнуть замком, закрыл за собой дверь и спустился к машине. Хорошо, что Эля – свободный человек и спокойно остается ночевать с его детьми, когда Антон дежурит сутки, работает допоздна или просто задерживается, как сегодня. Улицы были свободны, и до дома он доехал быстро. Спать совсем не хотелось, и Антон, паркуясь возле подъезда, прикидывал, чем бы заняться, чтобы время, оторванное от сна, прошло с пользой.

В квартире царила тишина, Эля спала в одной комнате с детьми, и Антон устроился в гостиной с диктофоном в руках. Звук он сделал минимально громким, чтобы никого не разбудить, сел на диван и поднес маленькое прямоугольное

устройство прямо к уху. Надо заново переслушать записи бесед в театре. А вдруг придет какая-нибудь мысль?

Но ничего нового в голову не приходило, все то, что Антон слышал в словах собеседников, уже многократно обсуждалось им с Анастасией Павловной и Сергеем Кузьмичом. Вот режиссер Дудник Семен Борисович, скоро сорок, а карьера с места не сдвигается, так и застыла на одном уровне. Ставит мало, в другие театры его почти не приглашают, только от случая к случаю зовут куда-то в провинцию, и Богомолов ставить не дает, держит Дудника на ставке и зарплату платит. Если Богомолов сам ставить не хочет, то приглашает режиссеров по договору со стороны, а про Дудника словно забывает, вспоминая о нем только тогда, когда нужно провести репетицию вместо самого Льва Алексеевича. Другие режиссеры в таких случаях назначают ассистента из числа опытных и авторитетных артистов, а Богомолов почему-то такую практику не жалуется, предпочитает Дудника лишний раз носом ткнуть, мол, знай свое место, ни на что другое ты все равно не годишься. Ну, и восстановительные репетиции, когда нужно вспомнить и освежить давно не игравшийся спектакль, тоже поручают Семену Борисовичу. Никто режиссера Дудника не знает, никому он не нужен... А вот труппа его любит, с артистами у него сложились хорошие отношения и творческое взаимопонимание. Если бы дать ему возможность ставить спектакли именно с этими артистами! Он бы себя показал. У него ведь и идеи есть, и кураж, и энер-

гия, и — что самое главное — артисты его хорошо понимают, потому что он умеет с ними правильно обращаться. Вот только Лев Алексеевич Богомоллов как кость в горле стоит...

Главный администратор Семаков при прежнем художественном руководителе был особой, приближенной к трону, с ним считались, его ценили, с ним советовались, его любили актеры, которых он возил на творческие встречи, в том числе и в другие города, обеспечивал их пребывание там, опекал, был отцом родным. А теперь он как мальчик на побегушках, занимается изготовлением репертуарных книжек и поздравительных открыток, да еще организовывает билетеров, которые должны в день спектакля проставить галочки напротив фамилий артистов в 900 программках. Скучно ему! Муторно! И еще второй главный администратор, Красавина, постоянно на глазах, та самая Красавина, которая заняла теперь место Семакова в сонме приближенных и к Богомоллову в кабинет входит без стука. А ему, Семакову, приходится при необходимости часами ждать в приемной. Да, Богомоллова он ненавидит всей душой и даже скрыть этого не может.

А вот директор-распорядитель Бережной... Тут совсем иная картина, идентичная по своему началу и прямо противоположная по результату. Когда-то он был директором с единоличным правом подписи под финансовыми документами, владел всей ситуацией, управлял огромным сложным хозяйством, обеспечивал бесперебойное функционирование

непостижимого механизма, состоящего из трех слитых воедино единиц: «театр как здание», «театр как производство» и «театр как учреждение культуры». Он был хозяином, который принимал решения и следил за их выполнением. И вот пришел Богомоллов, объявивший себя генеральным директором с правом первой подписи под финансовыми документами... И Владимир Игоревич Бережной оказался связанным по рукам и ногам непредсказуемым, капризным и, самое главное, некомпетентным худруком, узурпировавшим кресло директора. Бережного понизили, львиную часть полномочий у него отняли, а всю ответственность оставили. И он готов это терпеть ради любви к актрисе Людмиле Наймушиной. Неужели рыцари еще не перевелись? Есть в нем ненависть к Богомоллову? Должна быть, должна, по всей логике мужского характера – должна она быть. А ее нет. Не слышит ее Антон Сташис ни в интонациях, ни в выбираемых Бережным словах. А ведь кто-то говорил, что Бережной – человек с актерским образованием. Может ли в этом случае Антон доверять тому, что слышит? Не игра ли это? Не актерство ли? Анастасия Павловна предупреждала его, что хороший актер кого угодно обманет. А кто сказал, что Бережной – плохой актер? Никто этого не говорил.

Актриса Людмила Наймушина питалась в ресторане с большим аппетитом и довольно ловко сама вывела разговор на Ивана Звягина и его конфликт с Богомолловым. Ни Антон, ни Каменская в момент встречи с Наймушиной этого

не заметили, им обоим казалось, что они задают вопросы, а Наймушина на них добросовестно отвечает, и только теперь, слушая запись в третий или четвертый раз, Антону стало совершенно очевидно, что Людмила, Люсенька, изо всех сил искала повод, чтобы поскорее рассказать про Звягина. Очень уж ей хотелось поведать страшную быль об изгнанной из гримерки поклоннице и разорванном контракте, повлекшем за собой выплату огромной неустойки. Информацию, разумеется, немедленно проверили, и что оказалось? Да, девица в гримерке была, и суровый разговор Богомолова с Иваном тоже был, но все дальнейшее оказалось сильно преувеличенным. Контракт на съемки не разрывали, и хотя Богомолов дал команду составлять текущий репертуар без учета заявок Звягина, все обошлось малой кровью. Деньги, конечно, кое-какие Ивану заплатить пришлось, но вовсе не такие огромные, как уверяла Наймушина. Зачем она это сделала? А ларчик открывался совсем просто: из бесед с другими актерами выяснилось, что у Звягина был роман с актрисой, с которой дружила Наймушина. Роман закончился абортom и разрывом, и Люсеньке просто захотелось мелко отомстить за подружку. Детский сад, ей-богу!

Антон выключил диктофон и убрал его в сумку. Надо ложиться и попытаться уснуть, завтра рабочий день. Эля встанет в шесть, значит, до шести тридцати ему подниматься нет никакого смысла, ванная все равно будет занята. В шесть тридцать подъем, в шесть пятьдесят пять он выйдет из ван-

ной, три минуты уйдут на то, чтобы поздороваться с Элей и обсудить меню на завтрак, еще две минуты – на поедание яблока, которое Антон привык съедать натошак, и ровно в семь он пойдет будить детей. Степка вскочит сразу и побегит умываться, он «жаворонок» и радостно встречает каждое наступающее утро, а вот Васька – соня, с ней придется повозиться, прежде чем удастся ее поднять и дотащить до ванной, из которой как раз уже и Степка выйдет...

Он на цыпочках пересек коридор и нос к носу столкнулся с Эльвирой, выходящей из детской.

– Что-то случилось? – испуганным шепотом спросил Антон. – Дети не спят?

– Все в порядке, – голос Эльвиры шелестел едва слышно, – все здоровы и все спят. Просто я слышала, как вы вернулись, и все ждала, когда вы пройдете к себе в спальню, а вы все не идете и не идете. И я подумала, что вас, может быть, надо покормить, раз уж вы все равно не ложитесь.

– Я не голоден. Идите спать, Эля. Спасибо вам за заботу.

Она стояла совсем близко, почти вплотную, и точно так же, как недавно у Галины, волосы были распущены, только падали они на плечи красивыми локонами, а не лежали безжизненной паклей, и лицо без косметики было красивым и ярким, а не блеклым, и от тела, прикрытого чем-то тонким, шелковистым, исходило тепло и еле уловимый аромат ванили. «Она очень красивая женщина, – подумал Антон. – Но меня почему-то ни разу не посетила мысль о том, что ее мож-

но уложить в постель. Вот с Галкой я могу спать, а с Элей не смог бы. Интересно, почему?»

Эльвира скрылась за дверью детской, а Антон принял душ, почистил зубы и улегся в кровать. Кровать была широкой, супружеской, они купали ее вместе с Ритой, и у Антона рука не поднималась выбросить ее и заменить новой, более узкой. И место в комнате освободилось бы, и не так больно становилось бы ему каждый раз, когда он ложился на эту кровать. Специалисты утверждают, что стресс от потери близкого человека длится десять лет. В этом году исполнилось десять лет с того дня, как не стало мамы. А стресс от потери Риты будет длиться еще восемь лет. Еще целых восемь лет! Господи, как их прожить?

Анна Викторовна Богомолова свою вторую невестку не любила, и Елена Богомолова об этом знала. К первой же-не Левушки Анна Викторовна благоволила и развод сына не одобряла, особенно когда узнала, что первым мужем Елены был актер Михаил Львович Арцеулов. Против самого Арцеулова Анна Викторовна ничего не имела, она с ним даже знакома не была, но вот линия жизни Елены в глазах семидесятилетней женщины вырисовывалась в определенную, как ей казалось, тенденцию: первый муж почти на двадцать лет старше, второй – тоже, то есть молоденькая хорошенькая девица с юных лет привыкла прилепляться к состоявшимся мужчинам, разлучать их с женами и присасываться к их бла-

госостоянию и репутации. Ведь Арцеулов-то тоже в свое время разводился, чтобы жениться на Елене... Одним словом, тенденция вырисовывалась вполне, можно сказать, определенная и не так чтоб уж очень красивая. И Анна Викторовна, женщина прямая, резкая и не утруждавшая себя деликатностью, свои соображения открыто высказывала не только сыну, но и его второй жене.

– Ты никогда не любила Леву, – сурово выговаривала она невестке, сидя рядом с ней в больничном коридоре. – Ты думала только о его деньгах и его славе, примазаться хотела. Вот теперь твоя сущность и вылезла наружу. Теперь все стало совершенно очевидным.

Елена пыталась сопротивляться, но нужных слов не находила.

– Зачем вы так? – только спрашивала она. – Что я сделала? Чем провинилась?

– У тебя без конца звонит телефон, – упрекала ее свекровь, – ты без конца отвлекаешься на какие-то разговоры про деньги, неустойки, афиши, контракты, билеты. Это что такое? Что это такое, я тебя спрашиваю?

– Это звонят с работы, – послушно объясняла Елена. – Что плохого в том, что я разговариваю?

– Да как это – что плохого?! – взрывалась Анна Викторовна. – У тебя муж при смерти! Ты хотя бы осознаешь, что Левушка умирает? Ты должна думать только об этом, а не о каких-то там... У меня просто нет слов!

– Анна Викторовна, я все время думаю о Леве, честное слово, но мне же звонят, я не могу запретить людям звонить...

Но мать Льва Алексеевича была непреклонна.

– А ты должна! Ты должна всем сказать, что у тебя горе, умирает муж, и пусть никто не смеет беспокоить тебя по пустякам.

– Но людям же надо ехать на гастроли, надо как-то это организовывать, в конце концов, им надо понимать, поеду я с ними или нет, и, если нет, кому поручить мою работу...

– Подумаешь, гастроли! – фыркала Анна Викторовна. – Что такое гастроли по сравнению с Левочкиной смертью, перед которой все меркнет? Перебьются твои актеришки без гастролей, ничего с ними не случится, если они никуда не поедут. Пусть дома посидят, им полезно.

Елену последняя реплика свекрови чем-то противно царапнула, какой-то искусственностью, что ли... Нет, не искусственностью, а вторичностью. Где-то она уже слышала эту фразу насчет чьей-то смерти, перед которой все меркнет. Где же? Сознание, не желающее мириться с мыслью о возможной смерти Льва Алексеевича, тут же с готовностью переключилось на поиски, и Елена вспомнила: знаменитый фильм «Место встречи изменить нельзя», реплика некоей Соболевской по поводу «Ларочкиной смерти, перед которой все меркнет». Ей стало тошно. Мало того, что продюсерская компания, в которой она работает, не может получить от нее

внятного ответа на множество вопросов, потому что Елена не знает, что будет завтра, так еще и Анна Викторовна душу вынимает. Наверное, это правильно, и Елена действительно должна думать только о муже, и горевать о нем, и страдать, и мучиться, не спать ночами и плакать, биться в рыданиях, а она разговаривает по телефону и даже пытается что-то сообразить, что-то вспомнить, что-то посоветовать. Так не годится, так нельзя, это не по-человечески – думать о работе, когда у тебя умирает муж. Да и о работе думать как следует тоже не получается, мысли все время возвращаются к Лёве, которому становится то чуть лучше, то значительно хуже, и прогноз, по утверждению врачей, остается неблагоприятным. Как ему помочь? Что ей делать? Как теперь жить?

– Тебе, разумеется, все равно, – продолжала свекровь, не обращая ни малейшего внимания на то, что у Елены по лицу текут слезы, – ты Левочку похоронишь и снова к своему артисту вернешься, он, говорят, так и не женился с тех пор, как ты его бросила. Ты своего не упустишь, найдешь, к кому прицепиться. Ты, Лена, всегда была корыстной, и я с самого начала это знала, жаль только, что Левочка меня не слушал, а ведь я его предупреждала, предупреждала! Говорила ему, что ты его не любишь и толку из вашего брака никакого не выйдет! И была права! Вот, пожалуйста: он в реанимации в коме, а ты уже хвостом крутишь и думаешь о том, куда бы тебе съездить развлечься со своими идиотскими спектаклями. У тебя, небось, там и дружок сердечный имеется, из ар-

тистов-то, ты их любишь, уж я-то знаю. И будешь на своих этих гастролях развлекаться с любовником, пока твой муж будет здесь умирать.

– Анна Викторовна...

У Елены не было сил сопротивляться напору, она впала в такое отчаяние от несправедливости сказанного свекровью, что не находила слов для ответа. Да и что ответить? Что все это неправда, что она любит мужа и никакого любовника у нее нет? Анна Викторовна все равно не поверит, она верит только самой себе, верит всему, что придумывает и говорит. Но какая-то правда в ее словах есть. Правда о том, что рядом со смертью близкого человека все остальное должно стать мелким, ничтожным и не стоящим внимания. Наверное, нужно отключить телефон и больше ни на какие разговоры о работе не отвлекаться, полностью погрузившись в горе и боль.

Свекровь наконец напилась крови и уехала домой, а Елена достала из кармана телефон с намерением отключить его и... не смогла. Она с ненавистью смотрела на аппарат, зажатый в руке, и на саму руку, не желающую подчиняться приказу и нажимать на кнопку, и думала о том, какая она неправильная, слабовольная, корыстная, ведь она должна думать только о муже, а она... Нет, ну нет у нее сил полностью отдаться горю, в разговорах о работе она находит хоть какое-то отвлечение, хотя бы какой-то просвет, когда пусть всего на несколько минут, но жизнь начинает казаться

ся все той же, мирной, благополучной, спокойной, наполненной повседневными делами. Без этих маленьких просветов она бы уже сошла с ума.

Нет, не имеет она права отвлекаться, не имеет права облегчать себе существование. У нее умирает муж, и все должно быть подчинено только одному этому. Елена глубоко вздохнула и нажала кнопку, отключая телефон. Всё. Связь с внешним миром оборвана. Теперь у нее осталось только горе, только одно огромное всепоглощающее горе, в котором она просто не сможет дышать и очень скоро задохнется и умрет.

Наконец-то Коту Гамлету стало лучше, у него появился аппетит, но тут вопрос с питанием обернулся неожиданными сложностями.

– Мы попросим Хорька или Лисичку, они сбегают в деревню и принесут тебе свежей курятины, – обрадованно предложил Камень, услышав, что Кот хочет есть.

– Да вы что? – возмутился Гамлет. – Мне сырого мяса нельзя, я кастрированный.

– А вареного? Можно же развести костер и сварить или пожарить, – не растерялся находчивый Ворон.

– Никакого нельзя, – отрезал Кот. – И молока нельзя, у меня нет ферментов на лактозу. На помойке я, конечно, ел что придется, но мне все время было плохо, пучило и крутило живот. И в желудке были рези и тяжесть какая-то, меня

тошнило и, простите за подробности, поносило.

– Экий ты нежный, – неодобрительно заметил Ворон. – Чем же тебя хозяин твой кормил, что ты такой балованный? Устрицами, что ли, или, может, черной икрой?

– Тоже выдумали, уважаемый Ворон, – презрительно мяукнул Кот. – Какие устрицы? Какая икра? Это же сплошной аллерген, мне ничего такого нельзя. Папенька кормил меня исключительно сухим кормом. Ну, раз в две недели позволял паштетик из баночки, но потом всегда сильно ругался, потому что от баночек у меня делался слишком мягкий стул.

– И что? – не понял Камень. – Разве это плохо, когда мягкий стул?

– Для папеньки было плохо, потому что лоток трудно отмывать. Он любил, чтобы стул был сухой и твердый, – объяснил Кот. – Высыпал в унитаз, сполоснул лоток – и готово.

– Чем же вас кормить, уважаемый Гамлет? – озадаченно произнес Камень.

Змей подполз поближе и закинул голову на спину Камню.

– Я могу ловить мышей-полевок, – предложил он.

– Ты что, глухой?! – немедленно взвился Ворон. – Тебе ясно сказали: мяса нельзя. Если ты плохо слышишь или туго соображаешь, так иди лечись, нечего тебе тут рядом с приличными существами ошиваться.

Змей приподнял голову над спиной Камня, немного подумал, потом встал на хвост, вытянувшись во весь рост, и приблизил глаза к самому клюву сидящего на ветке Ворона.

– Я, мил-друг, слышу пока еще неплохо и на голову не жалуюсь. Мяса Коту нельзя, но бульон пить необходимо, в нем масса полезных веществ, нужных выздоравливающему организму. Я могу ловить мышей, а Белочка будет варить из них супчик. Теперь что касается сухого корма: если ты, крылатый детектив-любитель, возьмешь на себя труд регулярно ловить насекомых, то мы этот вопрос решим.

Ворон явно растерялся, уже много десятилетий не видел он головы Змея так близко и успел забыть, какие холодные и немигающие у него глаза и какое страшное длинное жало. Он невольно дернулся назад, чуть не свалился с ветки и на всякий случай перелетел повыше, туда, куда Змей не достанет.

– У насекомых хитиновый покров, который очень полезен для кошек, – продолжал неторопливо объяснять свой замысел Змей. – Одновременно мы попросим Белочку собирать орехов, измельчим их и накрутим шариков из орехово-насекомогой смеси, вот и получится сухой корм.

Он медленно опустился вниз и обвинил Камня несколькими плотными кольцами, уместив голову точно под глазами старого верного друга.

– А мне еще углеводы нужны, – вякнул набравшийся сил Кот. – В моем сухом корме всегда углеводы были, мне папенька обязательно читал вслух состав, его на пакетах с кормом печатали. Без углеводов никак нельзя.

– Мы попросим Зайца сбегать на поле и принести овощей,

морковки там, капуста, картошечки. Овощи можно потушить и сделать рагу.

– Я не буду рагу, я его не люблю, мне папенька делал несколько раз, а я не ел, – тут же ответил Кот.

Ворон собрался было выступить на тему о том, что папеньки тут нет, и нечего выпендриваться, пусть жрет, что дают, и спасибо скажет, но Змей, казалось, не обратил никакого внимания на проявление неблагодарности со стороны Гамлета и спокойно продолжал:

– Овощи можно также посушить и добавить в шарики. Одним словом, уважаемый Гамлет, вы не переживайте, вопрос с вашим питанием мы решим, а ваше дело – поправляться, набираться здоровья. И кстати, очень неплохо было бы делать ваш корм с сушеной крапивой, в ней масса витаминов. Это мы тоже организуем, тут совсем рядом есть роскошные заросли дикой малины, а где дикая малина – там крапива самая сочная и полезная.

Разговор Ворону не понравился. Ну как же так? Он только что долго и подробно рассказывал про расследование, и вместо того чтобы восхищаться его наблюдательностью и талантом рассказчика, задавать вопросы и просить разъяснений, они какую-то ерунду обсуждают. Чем этого приبلудного уродца кормить, видите ли! Других интересов, что ли, нету? И для чего тогда он старался? Нет, это дело надо положить, решил Ворон и начал вслух вспоминать подробности увиденного «в другой жизни». Ему удалось снова приковать

внимание к себе, и гордая птица торжествовала победу.

– Так кто же был у Лесогорова в квартире, пока он сидел в ресторане с Никиткой? – поинтересовался Кот.

– Не знаю, – равнодушно бросил Ворон. – Не видел.

– Как это – не видел? – оторопел Гамлет. – А что же вы там делали, уважаемый Ворон? Вас туда для чего посылали?

Тон, которым Кот озвучил свой вопрос, Ворону не понравился еще больше, чем то обстоятельство, что его рассказ был прерван обсуждением кошачьего рациона. Да что он себе позволяет, этот оборвыш в колтунах? Как он смеет так с ним разговаривать? Кто дал ему право задавать такие чудовищные вопросы и сомневаться в его, Ворона, способностях и умениях смотреть истории?

Он набрал в грудь побольше воздуха, чтобы голос звучал с достоинством.

– У нас, видишь ли, существуют определенные правила смотреть детективы, и не тебе, безродному приживале, в них вмешиваться. Я в тот момент за Театром наблюдал, что Театр думал и чувствовал – про то я вам и рассказал.

Но Кот не понял всей неуместности своих претензий и настырно продолжал:

– Да ну вас, уважаемый Ворон, не умеете вы детективы смотреть, – заявил он. – Вам надо было сразу полететь и глянуть, кто в квартиру к Лесогорову забрался, и мы бы уже сейчас все знали. А теперь будем мучиться неизвестностью. Неужели вы сами не могли додуматься? Это же элементарно!

Такой наглости Ворон стерпеть уже не мог и буквально задохнулся от негодования, но на помощь неожиданно пришел его заклятый враг Змей.

– Видите ли, уважаемый Гамлет, – негромко начал он, – если бы наш общий друг Ворон сделал так, как вы советуете, нам было бы неинтересно слушать историю.

– Почему? – удивился Кот.

Тут Ворон наконец пришел в себя.

– Потому что ты – смертный, у тебя психология другая! – хрипло выкрикнул он. – Ты нас никогда не поймешь, даже и не пытайся.

– Почему? – снова спросил Кот, на этот раз растерянно.

– Вы должны понимать, – продолжал Змей, – что смертные – конечны, и все, что они делают, ориентировано на конечный результат. Вам, смертным, гораздо интереснее узнать, чем дело кончится, а нам, вечным, намного важнее следить за процессом. Такое понятие, как «конец», для нас эфемерно, у вечных нет кончины и не будет, мы будем существовать всегда, поэтому нам торопиться некуда, мы сначала все подробно узнаем, во всем разберемся, вдумчиво да серьезно, не спеша, а там и до логического конца доберемся. Ну вы сами, уважаемый Гамлет, подумайте, что будет хорошего, если мы тут с вами сейчас узнаем, кто лазил к драматургу в жилище? Сыщики-то этого не знают, и Лесогоров им об этом ничего рассказывать не собирается. Значит, мы с вами побежим впереди расследования и всякий интерес к

нему потеряем. Вот и выйдет, что время, которое уже потрачено на эту историю, мы потратили впустую, никакого удовольствия не получили.

При всей нелюбви, даже, можно сказать, ненависти к Змею Ворон не мог не испытать глубокого удовлетворения от той отповеди, которая ясно показала Коту, что он глупец и ничего не понимает в жизни Вечных. Кот даже не нашел что ответить и какое-то время молчал, переваривая явно слишком сложную для него мысль.

– Все равно я не понимаю, – проворчал он наконец, – как-то неправильно у вас тут все устроено. Вот если бы я был вашим директором...

– Ага, – встрял Ворон, – ты еще скажи: художественным руководителем. У тебя мания величия.

– И скажу! Я бы тут у вас такие просмотры закатывал – весь лес собирался бы слушать и смотреть, можно было бы билеты продавать и деньги зарабатывать. Жалко только, тратить их тут негде и не на что. Уж я бы развернулся! Зря, что ли, я столько лет при театре околачивался, да я в деле «хлеба и зрелищ» собаку съел. Я бы такие спектакли у вас поставил – «Золотая маска» отдыхает.

Ворон насупился. Нет, это никуда не годится! Опять Гамлет в центре внимания, опять он вещает, а все слушают. Надо срочно принимать меры.

– Да, совсем запямятовал, – проговорил он громко, – подполковник Зарубин сказал нашим героям, что получил све-

дения о костюмерше Гункиной и ее брате. Брат Гункиной, оказывается, уже опять в тюрьме сидит, он вместе с подельниками магазин обокрал.

– А сама костюмерша? – поинтересовался Камень. – Может, это она собиралась Богомолова убить? Или дочка ее, которая ребенка потеряла?

– Это вряд ли, – авторитетно заявил Ворон, радуясь, что сейчас огорошит присутствующих новой информацией. – Гункина вместе с дочерью в монастырь подалась. Там и живут они, молятся, с Богом общаются.

– В монастырь? – ахнул Гамлет. – Зачем? Чего им дома-то не жилось?

– Пытаются совладать с гневом и унынием, – с удовольствием объяснил Ворон. – Тебе, кошачья твоя душа, этого не понять. И вот еще что: я получил колоссальное удовольствие, слушая разговор Каменской с Зарубиным. Дословно я вам не перескажу, но смысл в том, что Каменская опять спрашивала, когда ей соберут сведения про Артема Лесогорова, а Зарубин объяснял, что у него руки не доходят и времени нет. Ой, как они ругались! Это надо было слышать. Я так хохотал – чуть не надорвался.

– И что, неужели поссорились? – с ужасом спросил миролюбивый Камень, совершенно не выносящий конфликтов ни в собственной жизни, ни в историях, которые они смотрели.

– Ну прямо-таки! Они же друзья, столько лет вместе работали! Друзьями и расстались. Зарубин пообещал дать сведе-

ния о Лесогорове максимум через сутки, но Каменская ему, кажется, не поверила. Ну вроде бы ничего существенного я не упустил. Каменская и Сташис продолжают ходить по театру и разговаривать со всеми подряд, потом собираются то и дело в кабинете Богомолова и обмениваются впечатлениями. В общем, рутина. Я порой даже удивляюсь, до чего ж муторное это дело – раскрывать преступления. Скукотища! Не зря я не люблю детективы смотреть, про жизнь и про любовь намного интереснее.

– Как это? – изумился Кот. – Что вы такое говорите, уважаемый Ворон? Я за свою жизнь столько детективов по телевизору посмотрел – не перечесть, и все такие живые, динамичные, там все время что-то происходит, какие-то повороты неожиданные, погони, драки, убийства – одним словом, драйв. А вы говорите – скукотища.

– Вот то-то и оно, что ты по телевизору смотрел, а там же все вранье, от первого до последнего слова. Там все придуманное из головы и высосанное из пальца. А мы смотрим про реальную жизнь, про то, как на самом деле происходит, а не как сценаристы придумали. Слушай и учись, пока есть у кого, – с нескрываемым удовольствием изрек Ворон.

После «Макбета» Театр всегда спал беспокойно, хорошо еще, что этот спектакль давали примерно раз в два месяца. Уж очень много крови и смертей в пьесе! А про ненависть и прочие эмоции и говорить нечего, ими переполне-

но все действие, каждая роль, каждая реплика. Кроме того, ставивший пьесу режиссер сделал акцент на войне и борьбе за власть как грязном деле в прямом и переносном смысле, этой концепции подчинено все декорационно-оформительское решение спектакля, в соответствии с которым все мужские роли игрались в одинаковых, заляпанных грязью и кровью, плащах, а сцена была одета минимально, демонстрируя скудный, убогий быт средневековой Шотландии, да еще в период войны. Никаких роскошных покоев в Инвернесе, никаких ярких костюмов, все строго и приглушенно, оформление выступает фоном для сильных чувств и обуревающих души Макбета и его жены страстей. Театр очень уставал в дни, когда на сцене шел «Макбет», и не мог дожидаться, когда зрители покинут здание, а рабочие закончат демонтировать декорации. Хорошо еще, что декорации несложные, и их разбирают в тот же вечер, Театр, наверное, вообще не смог бы уснуть, если бы на сцене оставались сукна, которые имеют обыкновение особенно сильно пропитываться эмоциями и сутью происходящего. Но все равно сон после «Макбета» бывал поверхностным и каким-то рваным, даже и непонятно, то ли сон это, то ли легкая полудрема, а может, и вовсе бодрствование.

Проводив последнего рабочего, Театр подождал, пока дежурный пожарный вместе с охранником обойдут все здание, послушал, как запирает дверь вахтерша Тамара Ивановна, перебрал в памяти наиболее яркие, наиболее удачные

моменты сегодняшнего спектакля, отметив необыкновенно острую, насыщенную игру Михаила Львовича Арцеулова в роли Макдуфа, и стал расслабляться в попытках уснуть. Но что-то мешало ему. Театр чувствовал в себе что-то лишнее, что-то не присущее себе. Что-то постороннее.

Он сосредоточился и начал прислушиваться поочередно к разным частям здания. Начал со служебного входа – здесь все, как обычно, вахтерша с охранником смотрят кино по телевизору. Главный вход – тишина, окошечки кассы и администратора закрыты и заперты изнутри на защелки. Кабинет главного администратора возле входа в фойе тоже заперт, и свет внутри погашен. В гардеробе темно, в фойе тоже, зрительный зал пуст, и сцена пуста... Нет, не совсем пуста, кое-что из реквизита все-таки не унесли, то ли забыли в спешке, то ли поленились, ну, да это ничего, завтра все заберут и расставят по местам в реквизиторской, такое случается, хотя это и нарушение, конечно. На первом этаже в служебной части здания тишина и пустота, на втором, в гримуборных, как обычно, грязь и беспорядок, но завтра с утра придут уборщицы и все почистят. Никаких посторонних людей нет.

А ощущение не проходило, напротив, оно становилось все отчетливее. Театр перевел внутренний взгляд на служебную лестницу и стал прощупывать путь вверх, к квартире Лесогорова. Наверное, у Артема гости, отсюда и ощущение чужеродности. Нет, это не гости, во всяком случае, никаких посторонних людей он в квартире не обнаружил.

Театр вздрогнул. В верхней части здания он почувствовал смерть. И тут же успокоился. Ну конечно, столько смертей, столько трупов в пьесе, отсюда и ощущение. Просто оно застряло где-то, не исчезло вместе с декорациями, актерами и зрителями, а притаилось, вероятнее всего, на верхней галерее, под самыми колосниками, запуталось в тросах и не может вырваться.

Он уже почти начал задремывать, избавившись от тревоги, но снова проснулся и прислушался. Нет, это не та смерть, которая у Шекспира. Она какая-то другая. Театр начал вспоминать все смерти, которые повидал на своем веку. Чаще всего он видел покойников в гробах, когда умирал кто-то из актеров или работников театра, и в фойе проходила гражданская панихида. Но смерть при этих панихидах воспринималась совсем иначе, потому что сам момент смерти наступал не здесь, не в здании, сюда привозили уже мертвое тело, которое ничего не излучало. Самое мощное излучение происходит именно в момент смерти или при артистическом изображении этого момента. Правда, два раза артисты умирали прямо в Театре, но это тоже было не то. И один раз умер зритель. Театр попытался сформулировать, что именно было «не так», и понял, что, когда умирали артисты и зритель, их довольно быстро увозили на машине «Скорой помощи», и ощущение смерти не успевало укорениться в здании, распространиться по нему, пропитать стены, полы и потолки. А то, что он чувствовал сейчас, говорило о смерти, которая

уже обжилась, устроилась удобно и начала расползаться по Театру. О смерти, которая пришла сюда не только что, а как минимум часа два назад, а то и все три.

Театр волновался, проклинал собственную беспомощность и мучился догадками. Уснуть ему так и не удалось.

В пятницу, 19 ноября, на утреннюю репетицию пьесы «Правосудие» были вызваны всего четыре артиста, играющие судью, адвоката, прокурора и подсудимую, жену пресловутого Зиновьева: по графику запланирована работа над отрывком «Допрос подсудимой», и другие актеры сегодня не нужны. Помреж Александр Олегович Федотов с удовольствием поставил последнюю отметку в явочном листе после того, как в нем расписалась Людмила Наймушина, играющая подсудимую. Все на месте, все пришли вовремя, и через десять минут, как только стрелки часов покажут одиннадцать, можно давать звонок к началу репетиции.

Без пяти одиннадцать в репетиционном зале появился Семен Борисович Дудник в своем неизменном, растянутом на локтях свитере крупной вязки с низко вырезанной горловиной и с темно-синим, в серых разводах, шейным платком. Он деловито раскладывал на столе свои записи, а Федотов думал о том, как уверенно стал чувствовать себя очередной режиссер. Ну, конечно, если Лев Алексеевич в ближайшие два месяца не появится в театре, то «Правосудие» будет по праву считаться спектаклем, поставленным Дудником. И на

афишах «Новой Москвы» его имя будет написано крупными буквами. Это ли не праздник! Завлит Илья Фадеевич Малащенко вчера, встретив Федотова в коридоре, сказал, что Дудник поставил вопрос о созыве худсовета якобы для решения вопроса о приеме в труппу двух молодых артистов, которые показывались Богомолу почти месяц назад. Что за спешка? Подождут артисты, никуда не денутся, для чего собирать худсовет без художественного руководителя театра? Нет, для Дудника в этом есть большой смысл, он хочет показать, что и без Богомолу театр не стоит на месте, жизнь идет, работа движется, и работу эту вполне по силам возглавить именно ему, Семену Борисовичу. Не зря он так колотится с «Правосудием», репетирует каждый день, кроме вторника, до седьмого пота, и актеров загонял, и сам еле дышит, а Артему Лесогорову окончательно кислород перекрыл, не поощряет бесконечные переделки, все гонит, гонит, торопится, чтобы успеть собрать спектакль, пока Богомолу не вернулся. То есть кое-какие переделки он, конечно, разрешает, и на некоторых даже сам настаивает, но это уж вещи совершенно необходимые, даже он, Федотов, с ними согласен, даже ему понятно, что переделывать надо.

Кстати, о Лесогорове. Что-то его не видно, хотя обычно автор пьесы на репетиции является чуть ли не первым, садится у стеночки, достает последний вариант текста пьесы и кладет на колени свою толстую тетрадку, в которой стенографирует. Сам Федотов нет-нет да и прибегает к помощи

Артема, если в ходе репетиции запутывается в бесчисленных указаниях режиссера и не успевает все фиксировать. Артем всегда пойдет навстречу, найдет нужное место и скажет слово в слово, кто что сказал, кто что возразил и на чем, как говорится, сердце успокоилось.

– Семен Борисович, автора нет, – осторожно заметил Федотов, когда прозвенел звонок и все актеры собрались в репзале. – Будем начинать без него?

– На кой он нам сдался, – проворчал Дудник. – Без него спокойнее. Он нам всю работу тормозит. А так мы, Бог даст, сегодня всю сцену пройдем и больше к ней возвращаться не будем.

Репетиция началась, однако уже минут через пятнадцать оказалось, что без Лесогорова не обойтись: на предыдущей репетиции в текст были внесены некоторые изменения, и сегодняшние реплики персонажей должны были на этих изменениях базироваться. У актеров же в руках были тексты ролей, распечатанные еще неделю назад, без учета последних изменений. Обычно таких проблем не возникало, Артем работал над своей пьесой добросовестно и оперативно, сразу после репетиций уходил к себе и вносил изменения не только в те отрывки, которые только что репетировались, но и в последующие сцены, если они этими изменениями затрагивались, а на следующий день приносил исправленные варианты.

Попробовали работать на слух, с листа, Федотов, глядя во

внесенные накануне карандашные поправки, подсказывал, и актеры на ходу меняли текст роли, но толку из этого не вышло. Они путались, сбивались, не могли сразу сообразить, что сказать и как построить фразу, Федотов нервничал, потому что неподготовленная репетиция – его прямая вина, а Дудник откровенно злился: его уверенность в том, что удастся пройти сцену за одну репетицию, слабела с каждой минутой.

– Александр Олегович, найдите автора, – скомандовал он, – пусть принесет исправленный вариант для сегодняшней сцены. Перерыв десять минут.

Федотов кинулся звонить Лесогорову на мобильный, но никто не отвечал. Спит, что ли? Время к полудню, пора и встать уже. Хотя, возможно, он опять гулял до поздней ночи в «Киномании» и теперь отсыпается. Александр Олегович вышел из репетиционного зала и поспешил к лестнице, по которой можно подняться в служебную квартиру.

Телефон в кармане Сташиса звенел не переставая. Это не было похоже на звонки дочери или няни, которые в рабочее время обходились письменными сообщениями. Может, что-то случилось? Звонки были негромкими, но Настя хорошо их слышала и сердилась: они мешали разговаривать с работником радиотехнической службы.

– Простите, – сказала она собеседнику, – одну минуту. Антон, посмотрите, что там. Невозможно работать.

Сташис с виноватым видом полез в карман, посмотрел на дисплей продолжающего звонить аппарата, на котором высветились номер телефона и имя абонента, и удивленно приподнял брови.

– Это Бережной. Ответить?

– Ну, ответьте, – неохотно согласилась Настя. – Только коротко, мы работаем.

Антон нажал кнопку, и лицо его уже через несколько секунд стало сосредоточенным и строгим.

– Вы милицию вызвали? Хорошо, мы сейчас подойдем.

Настя вопросительно посмотрела на него:

– Что стряслось? Куда мы подойдем?

– В служебную квартиру. Там обнаружен труп Лесогорова.

Им вслед неслись заполошные вопросы радиотехника, но они уже неслись по коридору, не отвечая и не оборачиваясь.

Вся лестница, ведущая в служебную квартиру, оказалась заполнена работниками театра, и Насте с Антоном с трудом удалось протолкаться наверх. У дверей квартиры стоял с растопыренными руками помреж Федотов и истошно вопил, стараясь перекрыть гул голосов:

– Разойдитесь, пожалуйста, разойдитесь, сейчас приедет милиция, я уже позвонил и вызвал, ну разойдитесь же, сюда нельзя входить.

Входить, собственно говоря, никто и не пытался, желаю-

щих своими глазами посмотреть на мертвое тело что-то не находилось, но все хотели убедиться в том, что мгновенно облетевшая театр страшная весть – правда, а не выдумка, не злая шутка, не розыгрыш и не результат чьих-то галлюцинаций.

– Кто входил в квартиру? – спросил Сташис, как только им удалось приблизиться к Федотову.

– Только я. Меня Семен Борисович послал. – Федотов говорил, будто оправдываясь. – Артем не пришел на репетицию, а нам понадобился исправленный вариант, без него репетиция тормозила, и Семен Борисович велел мне найти автора. Я звонил, телефон не отвечал, ну, я и поднялся, а тут... Я сразу же в милицию позвонил, честное слово.

– Прямо сразу же? – недоверчиво прищурилась Настя.

Федотов отвел глаза.

– Вообще-то я сначала директору позвонил. Растерялся. А Владимир Игоревич сказал, что он в милицию сам... Вы будете входить?

Настя вопросительно посмотрела на Антона. Сейчас решить может только он как представитель власти, ей на месте происшествия вообще присутствовать не полагается. Конечно, если повезет, то приедет сам Коля Блинов, тогда вопрос можно будет решить, а вот с другим следователем ей не договориться, это точно.

– Вы совершенно уверены, что Лесогоров мертв? – спросил Антон. – Может быть, надо вызвать «Скорую»?

– Я вызвал, – торопливо отозвался Александр Олегович. – Мне директор так и сказал, мол, я в милицию позвоню, а ты «Скорую» вызывай, чтобы времени не терять, а то пока дозвонишься... Вообще-то, я не проверял, я трупов боюсь, но у него голова разбита, и каминные щипцы рядом валяются... И письменный стол весь в крови. А вы думаете, что он может быть жив?

– Я лучше сам посмотрю, – произнес Антон, решительно отодвинул Федотова и вошел в квартиру.

Настя осталась на лестничной площадке и поймала удивленный взгляд помрежа.

– А вы разве не пойдете?

Ну что, объяснять ему, что она права не имеет? Он ведь, как и все в театре, считает, что она тоже работает на Петровке.

– До приезда экспертов чем меньше посторонних следов останется на месте, тем лучше, – нашлась она.

– А, ну это да, это правильно, – покивал головой помреж. – И вы все-таки женщина, не надо вам на такое смотреть.

– Ничего, – усмехнулась Настя, – я привычная и не такое повидала.

Ей повезло, информация о преступлении в театре «Новая Москва» попала в нужные руки, и на место происшествия выехал следователь Блинов, который, на счастье, оказался не на выезде и не вел допрос, а составлял в своем кабинете

очередную официальную бумагу. Прибывшие врачи констатировали смерть Лесогорова, и после того, как тело осмотрел судебный медэксперт, стало понятно: смерть журналиста наступила около четырнадцати-пятнадцати часов назад, то есть накануне, примерно в девять вечера, плюс-минус час. Николай Николаевич Блинов попросил подняться в квартиру охранника-чоповца, который должен был сдать смену ровно в полдень, но в связи с чрезвычайными событиями не ушел домой, остался в театре. Вахтерша Тамара Ивановна толклась здесь же, на лестнице.

– Вчера кто-нибудь приходил к Лесогорову? – спросил их следователь. – Может быть, кто-то его спрашивал, искал?

Оказалось, что никто не приходил, не искал и не спрашивал. И сам Артем никого с собой не приводил. И вообще, он накануне из театра не выходил, это они оба помнят совершенно отчетливо.

– Но вы заступили на смену в двенадцать часов вчерашнего дня, – не унимался следователь. – Может, гость к нему пришел до этого, с самого утра? Вы можете связаться с теми, у кого вчера приняли смену? Я бы у них спросил.

Узнав номера телефонов, он поручил Антону Сашису позвонить и вскоре получил вполне ожидаемый ответ: накануне с утра Артем Лесогоров театр не покидал, и никакие гости к нему не приходили. Пришлось полагаться на свидетельские показания, потому что камеры видеонаблюдения в театре, конечно, были, но не пишущие. Следователь отозвал

Настю в сторонку.

– Ну, что скажешь, самодеятельный сыщик? Ты в этом театре трешься уже вторую неделю, должна понимать, как тут дела обстоят.

– Дела обстоят так, что в квартиру мог пройти любой из работников театра плюс любой из девяти сотен зрителей, – отрапортовала Настя. – Здание так устроено, что это возможно. Вряд ли вас это порадует.

– Н-да, попали... – задумчиво почесал переносицу Блинов. – Значит, так. Зови сюда Сташиса, буду ему указания давать. Кстати, где твой дружок Зарубин? Я ж велел вызывать его сюда, а то со мной два опера приехали, которые совершенно не в теме, они делом Богомолова не занимаются.

– Здесь я, Николаич, не пыхти, – Сергей Зарубин вынырнул из-под руки эксперта, обрабатывавшего поверхность дверного косяка. – Ты небось с мигалкой ехал, а я, как простой смертный, все пробки собрал. Николаич, я парой слов с Каменской перекинусь, лады?

Следователь сделал недовольное лицо, но Зарубин не обратил на это никакого внимания и потащил Настю в угол комнаты.

– Убивать меня будешь? – виновато прошептал он. – Убивай, я же сам тебя и оправдаю. Ну, не сработала у меня чуйка, бывает. Казни, режь, делай что хочешь. Только Коле не говори, а то он меня со свету сживет.

– Да ну тебя, – огорченно махнула рукой Настя. – Ведь

просила же, просила, напоминала десять раз: собери мне данные на Лесогорова. Чужало мое сердце, что именно здесь что-то неладно, он что-то знал, что-то важное, и его убили, чтобы он никому не рассказал. Я с тобой как с человеком, как с профессионалом, а ты... Дал бы мне вовремя информацию, я бы Лесогорова уже раскрутила по полной. А теперь только гадать остается.

– Ну виноват, виноват. Хочешь, плюнь мне в рожу, – предложил Зарубин. – А я тебя утешу и скажу, что ничего твой Лесогоров такого особенного не знал. И убили его совсем не поэтому.

– А почему?

– Да это же очевидно, Пална! Сначала пытаются устранить Богомолова, потом устраняют Лесогорова. То есть сперва убирают режиссера спектакля, за ним – автора пьесы. Ну? Соображай.

– Соображаю, – кивнула Настя. – Ты хочешь сказать, что кто-то пытается сорвать постановку «Правосудия»?

– Именно что.

– А зачем? Кому мешает постановка нового спектакля в театре? – не поняла она. – Или у тебя есть новая информация, которую я не знаю?

– Информации новой нет, есть только старая, да и та от тебя пришла. Но ты сама посуди: два убийства, с разницей меньше чем в две недели, совершенные одинаковым способом – били чем-то тяжелым по голове, потерпевшие – люди,

связанные с одной и той же пьесой. Где тут место сомнениям?

На первый взгляд места действительно не было, и то, что говорил Зарубин, звучало более чем убедительно. Но ведь Настя разговаривала с Лесогоровым и поймала его на откровенной лжи. Неужели это ничего не означает? Неужели она ошибалась в своих подозрениях?

– Надо узнать, с кем Лесогоров был наиболее близок здесь, в театре, – сказала она вместо ответа. – Я спрошу у Федотова, он должен знать.

Александр Олегович стоял на лестнице вместе с вахтершей Тамарой Ивановной и что-то оживленно обсуждал.

– Он с Никитой Колодным дружил, – сразу же ответил побреж, не задумываясь ни на минуту. – Они и в «Киноманию» вместе ходили, и в другие места. Насколько я знаю, Никита часто у него бывал в этой квартире.

– А Колодный сегодня в театре? – спросила Настя.

– На репетицию его не вызывали, и в вечернем спектакле он не играет, так что, скорее всего, его сегодня вообще не будет.

– Надо, чтобы был, – твердо произнесла Настя. – Устройте? Или мне к Бережному обратиться? – Она кивком головы указала на директора, который в нескольких метрах от них разговаривал со следователем Блиновым.

– Зачем же сразу к Бережному? – Ей показалось, что Федотов даже обиделся. – Я сам Никиту найду и вызову, у меня

все телефоны есть. А зачем он вам? Вы что, его подозреваете?

– Да Бог с вами! – рассмеялась Настя. – Вы же сами сказали, что Колодный часто бывал в квартире Лесогорова, а нам нужно узнать, не пропало ли что-нибудь, и вообще все ли здесь после убийства так же, как было раньше. Понимаете?

Федотов деловито полез за телефоном, а Настя вернулась в квартиру, где эксперт упаковывал уже обработанное оружие убийства – каминные щипцы.

– Есть что-нибудь? – спросила она.

– Почти ничего, во всяком случае, голыми руками эту штуку за последний год никто не брал, – ответил эксперт. – Наверное, преступник был в перчатках, теперь же все умные стали. А там посмотрим.

К ним подошел Блинов, закончивший задавать вопросы директору.

– Как думаешь, кровь сильно брызгала? – обратился он к эксперту.

Тот задумчиво посмотрел на письменный стол с потеками крови, постоял возле офисного кресла, примерился.

– Не должно бы, – наконец вынес он свой вердикт. – Щипцы длинные, чтобы ими попасть по голове, надо стоять не очень близко к жертве. Но что-то могло остаться на одежде. Могло.

Блинов тяжело вздохнул и крикнул:

– Федотова позовите сюда!

Помреж нарисовался моментально, будто только и ждал, что его призовет следствие.

– Какой спектакль вчера шел?

– «Макбет».

Блинов поморщился.

– Я имею в виду, много актеров было занято в спектакле?

– Много, – кивнул Федотов. – Это людный спектакль, двадцать девять человек. Это с учетом того, что спектакль поставлен экономно, потому что у Шекспира очень много персонажей появляются один-два раза на несколько минут, и есть возможность одному актеру совмещать две, а то и три роли. В «Макбете», например, есть трое убийц, которые отлично переодеваются и играют потом других персонажей. Так что актеров получается девятнадцать плюс десять человек в массовке.

– А сколько работников театра было вечером?

– Ну, – призадумался помреж, – сейчас вспомню точно... Семьдесят два человека. Может, я ошибся на единицу в ту или другую сторону. Вообще-то, это не мой спектакль, но мы, помрежи, такие вещи всегда знаем точно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.